

100 лет Версальскому договору. Никто не оказался счастливым
стр. 13

П Е Т Е Р Б У Р Г С К И Й Диалог

ПЕРВАЯ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКАЯ ГАЗЕТА

Как я стала немкой. Исповедь русской девушки
стр. 16

Март 2019

№1 (9)

Майкл Пенс и Джо Байден.
Мюнхен: вице-президент
против вице-президента

стр. 3

Горби не захотел в Германию.
Лучшая из книг о Горбачеве

стр. 5

Колебания Федерики Могерини.
Улыбка русским
может дорого стоить

стр. 6

Глупые траты.
Зачем налогоплательщики
пишут книгу

стр. 12

БЕЗОПАСНОСТЬ

Шансы минимальны, но они есть

Главный научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова Российской академии наук генерал-майор запаса

Владимир Дворкин по просьбе «Д» прогнозирует дальнейшее развитие событий с Договором о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), уделяя особое место роли и мнению Европы.

Руководство ведущих государств ЕС, прежде всего Германии, периодически заявляло о необходимости сохранить Договор РСМД, несмотря на то что американцы убедили их, что Россия нарушила этот договор. США предъявили данные по условиям испытаний крылатой ракеты 9M729, включая даты, координаты пусков, дальность полета. Возражения российских дипломатов и военных после этого в расчет не принимаются: им не доверяют.

Как известно, президенты России и США подписали документы о выходе из договора. Однако под давлением лидеров ЕС и ряда американских политиков Россия и США могли бы достичь соглашения о различных технических доработках пусковых установок МК-41 в Румынии и Польше, не позволяющих проводить пуски ракет «Томагавк», к чему сводятся основные претензии Рос-

сии, и демонтаже российских ракет 9M729. Это позволило бы сохранить лицо лидерам США и России. Такие действия сопровождалось бы инспекторским контролем. При отказе румынских и польских властей допустить на их территорию российских инспекторов американцы могли бы продемонстрировать доработки на такой же пусковой установке МК-41 на своей территории, предъявив фотоматериалы пусковых установок в Румынии и Польше.

При таком сюжете российские претензии по поводу принадлежности американских ракет «Гер» (ракеты-мишени для испытания средств ПВО) к ракетам средней дальности и беспилотным летательным аппаратам (БЛА) могли бы иметь второстепенное значение. Возможность использования ракет «Гер», собранных из второй и третьей ступе-

Владимир Дворкин

ней снятых с вооружения ракет «Минитмен-2», в качестве ускорительных средств для вывода объектов в верхние слои атмосферы в различных целях предусмотрена п. 12 ст. VII Договора о РСМД. Во времена разработки договора проблем БЛА вообще не существовало — определенные крылатые ракеты, не предназначенной для возвращения к месту запуска, не полностью подходит для них. Необходимо отдельное многостороннее соглашение с учетом стремительного развития этого направления в США, России и многих других государствах.

Консультации и переговоры для достижения позитивных результатов целесообразнее всего вести в закрытом режиме военными специалистами и дипломатами.

В случае же ожидаемой денонсации Договора о РСМД на обозримую перспективу можно прогнозировать как минимум

шесть вариантов действий США и России, оказывающих различное влияние на отношение руководства и населения государств ЕС к угрозам своей безопасности.

Первый. В ближайшие три-четыре года США не будут развертывать в Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) ракеты средней дальности любого типа наземного базирования. Россия также не станет этого делать в соответствии с заявлениями Владимира Путина о том, что его меры будут только ответными и зеркальными. При этом стороны, видимо, будут сообщать, что разработки ракет средней дальности наземного базирования идут полным ходом.

Второй. Если в эти годы после завершения разработки носителей ракет средней дальности они все-таки начнут поступать на территорию ЕС и России, то это могут быть крылатые ракеты типа «Томагавк» и «Калибр» наземного базирования с неядерным оснащением.

>> стр. 6

КОНФЛИКТ

Только не надо указывать

Посол США в Германии Ричард Гренелл весьма недипломатично угрожает немецким компаниям, участвующим в проекте «Северный поток-2».

Как ни странно, такая стратегия приносит ему маленькие победы, считает **Петер Кепф**.

На Мюнхенской конференции по безопасности федеральный канцлер Германии Ангела Меркель внесла свой вклад в дискуссию вокруг строительства «Северного потока-2». «Российская молекула газа остается российской молекулой газа вне зависимости от того, как она попадает к нам — через Украину или же по дну Балтийского моря, — сухо отметила она. — Степень нашей зависимости от российского газа не может определяться тем, через какой газопровод этот газ поставляется».

Вместе с тем это явилось ее ответом на все более токсичный спор о строительстве нового газопровода. В последние меся-

цы в него не раз публично вмешивался посол США в Германии Ричард Гренелл. В середине января он даже прибег к угрозам, что нетипично для дипломатов. В своих письмах он обращался к немецким компаниям, работающим в сфере российского экспорта энергоносителей — читай: участвующим в строительстве «Северного потока-2». Напомним, что половину необходимых инвестиций предоставляет «Газпром», другую половину — две немецкие компании, одна австрийская, одна британско-нидерландская и одна французская, что связано с существенными санкционными рисками.

Петер Кепф

У американцев и некоторых восточноевропейских стран есть мнение, что данный проект подрывает «безопасность и Украину, и Евросоюз». И потому Германия встретила их решительное сопротивление.

Министр иностранных дел Хайко Маас защищался: вопросы европейской энергетической политики должны решаться в Европе. Председатель профсоюза работников химической, горнодобывающей и энергетической промышленности Германии Михаэль Василиадис и вовсе решил ударить по грубому политическому шагу Гренелла не менее грубой фразой: посол

высказывается «как представитель оккупационных властей», заявил он, США думают не о внешней политике, а о том, «как сбыть нам американский газ».

На самом деле строительство «Северного потока» вызывает споры и внутри ЕС. Украина боится потерять доходы от транзита газа. В других странах, в том числе в Германии, политики видят опасность впасть в еще большую зависимость от российских энергопоставок, хотя Россия сама нуждается в притоке валюты уж точно не меньше, чем Европа — в газе. Польша протестует против реализации проекта в силу собственных интересов, поскольку хочет, чтобы один из распределительных узлов был размещен на ее территории.

>> стр. 6

ПЕРСОНА

«Предпринимательское мышление заменяет политическое»

Спустя год после отъезда из Берлина бывший посол России в ФРГ **Владимир Гринин** рассказал корреспонденту «Д» **Галине Дудиной** о том, как ему работало в разгар украинского кризиса и почему не получилось договориться о безвизовом режиме между Россией и Евросоюзом.

«Мы готовились ввести безвизовый режим между ЕС и Россией»

— Вы работали послом в Австрии, Финляндии, Польше, Германии, и это были времена, когда у нас было куда больше возможностей для сотрудничества.

— Да, мы тогда действительно работали на развитие сотрудничества, на сближение, хотели найти общий язык. И я бы сказал, что это получалось — как с ЕС в целом, так и практически со всеми его участниками по отдельности. Вот, например, когда Ангела Меркель в 2000 году только заняла пост канцлера ФРГ, мы уже продвигались вперед по ряду тем. Готовились, в частности, ввести безвизовый режим между ЕС и Россией...

— То есть вы и правда рассчитывали, что краткосрочные визы вот-вот отменят?

— Да. Более того, все было к этому как бы уже готово, в том числе в Германии. Вот если правильно помню, то прочитал в немецкой прессе, что на ту же Ангелу Меркель в преддверии совместного заседания «Петербургского диалога» в конце 2012 года посыпались упреки со стороны его авторитетных участников Лотара де Мезьера (последнего руководителя ГДР) и Эрнста-Йорга фон Штудница (бывшего посла ФРГ в Москве), поскольку годом ранее она признала тормозящие позиции ФРГ в этом вопросе и обещала поправить дело, но реальных сдвигов не последовало.

Причины в общем-то просматриваются. Барак Обама был переизбран президентом США. А это стимулировало проамериканские тенденции германской политической элиты. Американцы, в свою очередь, еще активнее стали претендовать на гегемонию, в том числе через попытки поднять европейцев и попытки оказать негативное влияние на ход нашего развития.

— А вам не кажется, что, говоря о степени влияния США, вы немножко...

— Ошибаюсь?

— Преувеличиваете, скажем так.

— Нет. Я абсолютно в этом уверен. Более того, вся моя жизнь, вся моя работа и особенно последние годы, которые я провел в Германии, меня еще больше убедили в этом. Как я говорил, когда то же руководство ФРГ начало уходить от реализации некоторых уже достигнутых нами решений... Я говорю не только о безвизовом режиме, но и вспоминаю договоренности о создании дополнительных комиссий в рамках сотрудничества России и Евросоюза.

Апофеозом этого стал украинский кризис. Если кто-то думает, что он произошел из-за столкновения между западом и востоком Украины, между западниками и Россией, то это не так. Я уверен, что это классическое дирижирование американцев. Вероятно, учитывалась история, ведь столкновения между отдельными слоями украинцев всегда имели место. В любом случае вспомните начало 2014 года. Еще не произошел разрыв отношений, ведь мы тогда поддерживали договоренность, в разработке которой участвовали немцы, французы и поляки.

— Вы говорите о Соглашении об урегулировании политического кризиса на Украине, которое 21 февраля 2014 года подписали президент Виктор Янукович и представители оппозиции?

— Да. Но потом американцы сказали: не нужно. И спустя два дня спровоцировали госпереворот. В итоге к власти пришел оппозиционный, националистически настроенный режим и началось то, что началось.

США, как я уже отметил, вообще склонны стремиться к главенствующей позиции в мире, и это стремление в чем-то даже усилилось после прихода к власти нынешнего президента. Именно претензии на первенство в мире воочию провоцируют нечто похожее на клинч. Например, Вашингтон заявляет, что хочет поставлять в Европу сжиженный газ. Конечно, на этой почве у нас возникло много вопросов. Особенно к Германии, где в общем-то традиционно доминировала рациональность мышления — это вообще особенность их национального характера.

— Вы думаете, это менталитет или осознанный выбор политики?

— Мой опыт говорит, что это рационально мыслящая нация. Что только с ними и у них ни происходило! Однако выводы, которые ими делались, как правило, двигали их в сторону порядочности человеческого выживания и совершенствования.

>> стр. 3

ЭКОНОМИКА

Судьба газопровода как сигнал безопасности

Немецкие предприниматели пытаются создать новую повестку для отношений России с Европой. Об их инициативах — заметки **Артема Соколова** с ежегодной конференции Восточного комитета германской экономики.

Артем Соколов

Немецкие бизнесмены, работающие со странами Восточной Европы, подвели годовые итоги. В основном говорили об успехах. Товарооборот ФРГ с регионом показал уверенный рост, в совокупности перевалив объемы немецкой торговли с США и Китаем. Цифры по торговле с Россией были не столь оптимистичными, как в случае с Польшей или Чехией, однако также демонстрировали положительную динамику. Согласно представленным данным, товарооборот между ФРГ и Россией составил за прошлый год €60 млрд. Импорт из России увеличился на 6%, экспорт немецких товаров остался на том же уровне, что и годом раньше. Как пояснили представители комитета, продукция немецких компаний, произведенная на территории России, в эту статистику не попадает, поэтому все-таки эти цифры не исчерпывающие в описании российско-германских торговых связей.

Центральным событием конференции стала презентация нового программного документа (Positionpapier) «Определять общие интересы — создавать общие проекты. Новая повестка дня для отношений России и Европы». Программный документ Восточного комитета германской экономики стал выражением точки зрения немецких политиков и бизнесменов, заинтересованных в нормализации и развитии отношений с Россией. Действуя внутри евроатлантического мейнстрима, представители комитета стремились предложить непротиворечивую модель российско-немецких отношений, подразумевающую позитивную динамику развития и соблюдение интересов всех участников.

Авторы документа выделяют 15 направлений, по которым сотрудничество России и Германии может развиваться особенно интенсивно. Предложения выходят за пределы исключительно экономических вопросов, представляя собой скорее черновик «дорожной карты» по первым шагам нормализации двусторонних отношений.

Собственно экономический блок документа включает совместную работу в аграрном секторе, энергетике, сфере высоких технологий, транспорте. Отдельно обозначено положение о перспективах совместной модернизации российской экономики. Авторы документа уделяют особое внимание дигитализации и интернет-технологиям, отмечая, что в этих сферах Россия продвинулась дальше Германии и сотрудничество в них будет особенно полезным для ФРГ.

Другие направления можно отнести к общественной или культурной сфере. Так, в программном документе предлагается либерализация визового режима, отменяющая визы для молодых россиян в возрасте до 25 лет. Есть предложения по совместным проектам для гражданских обществ, научным разработкам, взаимодействию в международных организациях.

По каждому из направлений авторы документа приводят примеры уже работающих форматов и проектов. Некоторые из

Калужское предприятие «Фольксваген Групп Рус» — прекрасный пример российско-немецкого сотрудничества

них, такие как газопровод «Северный поток-2» или Германо-Российская инициатива по цифровизации экономики, имеют широкую известность, другие знакомы лишь специалистам. Например, проект ICARUS, реализуемый на МКС, по наблюдению за миграцией животных из космического пространства. Установкой специального оборудования на станции занимались двое российских космонавтов при содействии немецкого коллеги Александра Герста. Со стороны ФРГ в проекте приняли участие

встречи предпринимателей, объединенных географией бизнес-интересов, в формате диалога немецких экономических кругов и политиков по вопросам российско-германских отношений. Экономические санкции продолжают наносить ущерб экономике ФРГ, а давление администрации Дональда Трампа на проект «Северный поток-2» нарастает. В таких неблагоприятных обстоятельствах у немецких бизнесменов, очевидно, накопилось много вопросов к политикам и дипломатам. Обмен мнениями членами комитета мог расширить представления министра, идеологически близкого к классическим атлантистам, о российско-германских связях.

Хорошие отношения с Россией в действительности гораздо шире простого набора торговых и экономических показателей

Общество Макса Планка и Общество по изучению орнитологии. Со стороны России — «Роскосмос», РКК «Энергия» и РАН.

Важным обстоятельством стало присутствие на конференции главы МИД ФРГ Хайко Мааса. Шеф германской дипломатии, отличающийся критичным отношением к России, на этот раз был настроен миролюбиво. В своей продолжительной речи он заверил присутствующих в том, что у него сложился открытый и честный диалог с российским коллегой Сергеем Лавровым, а количество совместных проектов между Берлином и Москвой, инициированных министрами двух стран, больше, чем это было за последние годы. Маас подтвердил свое расширенное понимание «восточной политики» социал-демократов как направленное в равной степени на все страны Восточной Европы и затрагивающее пространство «от Праги до Владивостока», чем напомнил о подзабытой теперь концепции «большой Европы».

Участие главы немецкого МИДа в конференции Восточного комитета германской экономики вывело мероприятие из рамок

Появление нового программного документа Восточного комитета германской экономики вызвано множеством причин. Основная из них — обеспокоенность немецких бизнесменов текущим состоянием российско-германских отношений. Несмотря на действующие экономические ограничения, товарооборот между Россией и Германией растет. Однако по сравнению с другими странами Восточной Европы темпы этого роста говорят скорее об упущенных возможностях, чем об успехах. Санкции тормозят двустороннюю торговлю и не достигают своих заявленных целей.

Кампания вокруг «Северного потока-2» заставляет немецкий бизнес, даже тех его представителей, которые не ведут дела в России, оценивать ситуацию по отношению к правительству ФРГ. Для членов Восточного комитета германской экономики дебаты вокруг газопровода — источник сигналов для оценки безопасности своего бизнеса. Новогородские письма с угрозами от американского посла в ФРГ Ричарда Гренелла в адрес действовавших в проекте компаний объедини-

ли в возмущении немецких политиков и прессе. Однако это не означает, что Вашингтон откажется от новых попыток остановить строительство газопровода. Едва ли не впервые объединенной Германии приходится жестко отстаивать собственный суверенитет в торговых и экономических делах перед океанским союзником. Ангела Меркель смогла консолидировать свое правительство в вопросе энергетической безопасности ФРГ.

В новом программном документе немецкий бизнес дал понять, что его беспокоит отсутствие активности германской дипломатии на российском направлении. Восточный комитет германской экономики подробно перечислил те направления, где российско-германские отношения сохранили потенциал, несмотря на охлаждение последних лет. Это и конкретные двусторонние проекты, и концептуальные установки, и отдельные инициативы гражданского общества. Немецкие бизнесмены пытаются своим посланием донести до политиков принципиальную мысль: хорошие отношения с Россией в действительности гораздо шире простого набора торговых и экономических показателей. Это важный и перспективный источник комплексного развития для Германии и всей Европы.

Очевидно, что не все предложенные в программном документе направления будут реализованы немецким правительством в полном объеме. Так, либерализация визового режима для молодых граждан России потребует согласования с европейскими партнерами и вряд ли этот процесс будет легким. То же самое можно сказать и об экономической интеграции ЕС и Евразийского союза. Многие предложенные инициативы имеют влиятельных оппонентов в Германии и Европе, и их реализация будет сопровождаться ожесточенными дискуссиями.

При этом документ может стать основой полноценной программы развития российско-германских отношений, ориентированной на большие проекты и идеи. Его авторы предлагают альтернативу курсу на изоляцию России в Европе, за который выступает ряд влиятельных политических сил в ФРГ.

НАГРАДЫ

Лауреаты Премии Гааза

В середине марта в Дворцовом зале берлинской гостиницы «Адлон» премьер-министр земли Северный Рейн—Вестфалия **Армин Лашет** вручит Премии имени доктора Фридриха Йозефа Гааза. Их учредил Германо-Российский форум. В текущем году лауреатами стали председатель правления фонда «Глобус» **Грациела Брух** и работающий в России управляющий акционер Ekosem-Agrar GmbH **Штефан Дюрр**. Специальную премию на церемонии вручат ветерану немецко-российского сотрудничества доктору **Андреасу Майер-Ландруту**, проработавшему многие годы послом ФРГ в России.

Грациела Брух

Грациела Брух — председатель правления благотворительного фонда Globus. Фонд был основан госпожой Брух вместе с ее мужем бизнесменом Томасом Брухом в 2005 году. Томас Брух — один из самых состоятельных немцев: его капитал оценивается Forbes в \$2 млрд. Бруху принадлежит сеть гипермаркетов Globus, работающих в Германии, Чехии и России. Фонд Globus ведет благотворительные проекты, цель которых — помощь детям и подросткам из бедных семей или оказавшимся в тяжелых ситуациях. Среди проектов фонда Globus — строительство школ в Нигерии, Уганде и других африканских странах, конкурсы для детей, в том числе из России, поддержка учебных проектов в самой Германии. Госпожа Брух работает и с другими фондами — например, она является заместителем главы правления фонда EHN, занимающегося развитием связей между торговлей и наукой, также она сотрудничает с Фондом поддержки немецкого конного спорта.

Штефан Дюрр

Штефан Дюрр Маттиас — управляющий акционер и CEO Ekosem-Agrar GmbH. Родился в 1964 году в Эбербахе (Германия). Окончил Байройтский университет по специальности «аграрно-почвовед и геоэколог». В 1989 году стал первым студентом из Западной Германии, прошедшим стажировку на сельхозпредприятии СССР. В 1991 году создал и возглавил международную организацию «Аполло» по обмену студентами из РФ и Германии.

В 1993 году стал председателем правления и директором немецкой компании Ekosem-Agrar GmbH. В 1994 году создал в России дочернюю компанию Ekosem-Agrar GmbH («Эконива» (Ekoniva)).

В 2010 году «Эконива» открыла направление мясного животноводства и запустила семенной завод в Воронежской области. В 2013 году господин Дюрр за особые заслуги перед нашей страной получил гражданство России. В том же году его компания приступила к производству молочной продукции. Сейчас ее производство превышает 1 тыс. тонн в сутки. В 2017 году Штефан Дюрр получил премию Германо-Российского экономического союза за особые достижения в сфере предпринимательства.

Женат на гражданке России, есть три дочери и сын.

Андреас Майер-Ландрут

Его хорошо знают в России, ведь Майер-Ландрут дважды (в 1980-83гг и 1987-89гг) возглавлял посольство ФРГ в Москве. А всего благодаря блестящему знанию русского языка он провел в нашей столице пять командировок. Здесь многие друзья называли его просто «Андрей Павлович». Язык будущему дипломату помогла выучить русская няня, Тамара Владимировна. Родился Майер-Ландрут в Таллине, но позже семья прибалтийских немцев через Польшу бежала в Германию. Много о работе в Москве Майер-Ландрут рассказал в своей автобиографической книге «С Богом! И оденься потеплее!». В Москве была хорошо известна слабость немецкого посла — лошади. Майер-Ландрут завлял конник и как-то сказал о себе, что все страны, куда заносила его дипломатическая судьба, он узнавал еще и из седла. Последняя командировка у нового лауреата премии имени доктора Гааза была уже по линии бизнеса — до 2002 года он работал в Москве генеральным представителем фирмы Даймлер-Крайслер.

«Послание к моим внукам» было записано на немецком языке еще в ноябре на высоте 400 км над Землей — на борту МКС в обзорно-наблюдательном модуле «Купол». 18 декабря Александр Герст, командир экипажа МКС-57 и бортинер спускаемого аппарата «Союз МС-09», опубликовал его в сети Интернет. К тому моменту когда на 197-й день космического полета он вместе с российским коллегой Сергеем Прокopcевым и американкой Сериной Ауньон-Ченселлор покинул МКС, чтобы приземлиться в казах-

ских степях, его речь прослушали миллионы человек, и интерес к ней не падает.

«Когда я гляжу на планету вот так, с высоты, то думаю, что, к сожалению, я должен просить у вас прощения, — начинает Герст. — Сегодня похоже, что мы, мое поколение, передадим вам планету не в лучшем виде. Ко-

люди

Будущее, вид сверху

В интернете продолжают обсуждать трогательное обращение немецкого космонавта **Александра Герста** с борта МКС. О чем же он написал?

нечно, потом всегда находится много людей, „ни о чем не знавших“, но на самом деле мы, как человечество, вполне отдаем отчет в том, что отравляем нашу планету двуокисью углерода, провоцируем глобальное изменение климата, вырубаем леса, замусориваем океаны, слишком быстро потребляем ограниченные ресурсы и ведем войны, по большей части бессмысленные.

«Надеюсь... мы еще сможем выйти из виража» и исправить какие-то вещи, продолжает Герст. И ему хочется, чтобы «мы остались в вашей памяти не как поколение, эгоистично и бесцеремонно подорвавшее основу вашего существования <...>». Верю, что сегодня вы понимаете эти вещи куда лучше, чем мое поколение, и, кто знает, возможно, мы тоже еще чему-то научимся. Тому, что взгляд извне всегда бывает полезным, что это хрупкое космическое судно, которое зовется Земля,

куда меньше, чем думается большинству, что биосфера очень ранима, а ее ресурсы — весьма ограничены, что ладить с соседями выгодно, что наши мечты всегда дороже денег и надо им давать шанс воплотиться в жизнь, что юноши и девушки одинаково хорошо могут справиться с теми или иными вещами, но что при этом у каждого из вас есть то, что именно он может лучше всех остальных, что простые объяснения часто оказываются ошибочными и что свое собственное видение вещей всегда трудно постигнуть, что будущее важнее прошлого и что никогда нельзя становиться окончательно взрослым, что каждая возможность нам представляется лишь однажды и что ради тех вещей, которые того стоят, нужно идти на риск, что день, в который человек открывает для себя что-то новое, заглядывает за собственный горизонт, — это удачный день».

Герст говорит, что ему хотелось бы увидеть мир глазами более молодых и заглянуть в будущее. Но единственное, что ему остается, — это работать над тем, чтобы «ваше будущее стало возможным и чтобы оно было самым лучшим, какое я себе только могу представить».

«Ладить с соседями выгодно, а наши мечты всегда дороже денег — просто надо давать им шанс воплотиться в жизнь»

МНЕНИЕ

Размолвка не будет вечной

В Мюнхене Ангела Меркель предостерегла европейские страны от одиночества, а бывший вице-президент США Джо Байден опроверг нынешнего вице-президента Майкла Пенса. О ходе Мюнхенской конференции по безопасности для «Д» рассказывает **Тео Зоммер**.

Тео Зоммер

В этом году Мюнхенская конференция по безопасности — «двойник» Всемирного экономического форума в Давосе в области безопасности и международной политики — проходила под темными тучами пессимистичных прогнозов. Более чем 800 участников, среди которых было 19 президентов, 13 глав правительств, 83 министра обороны и иностранных дел, делегация американских конгрессменов в составе 50 человек, высокопоставленные дипломаты и военные со всего мира, собрались в Мюнхене в тот момент, когда мировой порядок серьезно пошатнулся. Вольфганг Ишингер, председатель Мюнхенской конференции, это не пытался скрывать. Как он отметил в своем приветственном слове, сегодня мы видим «перетасовку центральных компонентов международного порядка... Каким будет новый порядок, который в итоге сложится, остается неясным».

Тарифные конфликты, предвестники пагубной торговой войны, ослабляют мировую экономическую конъюнктуру — и это не все. Геополитический конфликт перестает казаться чем-то невозможным. Американский «Бюллетень ученых-атомщиков» (The Bulletin of the Atomic Scientists) вновь перевинул стрелки «часов Судного дня» на 23:58: по мнению издания, до наступления символической полночи апокалипсиса сегодня остается всего 2 минуты, точнее как в 1953 году.

Самое печальное в этой удручающей ситуации — своеобразное обещание того, что мы привыкли считать Западом, свободным миром или либеральным международным порядком. Роджер Коэн, проницательный корреспондент-международник газеты The New York Times, после Мюнхенской конференции решил: пора писать «Реквием по Западу». Подобно большинству европейцев, и особенно

Два вице-президента США — нынешний Майкл Пенс и его предшественник Джо Байден — высказали в Мюнхене порой противоположные суждения

немцев, он возлагает ответственность за происходящее непосредственно на президента США Дональда Трампа с его непрекращающимися нападками на Европу и неуважением к союзникам, международным институтам и всему, что отдает сотрудничеством и компромиссами, словом, мультилатерализмом. Стратегия сотрудничества не его конек.

Действуя в духе безрассудного унилатерализма, Трамп «демонтирует» глобальные обязательства США. При нем Штаты вышли из Транзитивной

«Слепое наращивание вооружений не может служить ответом на вызовы современности»

океанского партнерства, Парижского соглашения по климату, Совместного всеобъемлющего плана действий, известного общественности как ядерная сделка с Ираном, а совсем недавно — и из Договора о РСМД с Россией. Называя Европу «соперником» (foe) и приветствуя распад ЕС вследствие «Брекзита», он также неоднократно ставил под вопрос обязательство США защищать партнеров по НАТО — как говорят, в частном порядке Трамп делился с советниками своим желанием выйти из «отжившего» альянса.

В Мюнхене такие разногласия внутри трансатлантического комьюни-

ти получили наиболее явное выражение в двух выступлениях. Федеральный канцлер Германии Ангела Меркель страстно взывала к духу мультилатерализма и солидарности, в то время как вице-президент США Майкл Пенс продемонстрировал всеобщему вниманию ходячую версию неприкрытого трампизма.

Речь Меркель содержала явный сигнал: мировой порядок, сформированный Соединенными Штатами после Второй мировой войны, испытывает неимоверное давление, но

нельзя допустить его краха, поэтому необходимы реформы. Перед лицом колоссальных вызовов человечеству нам не пристало думать, «что каждый из нас лучше всего может решать свои проблемы в одиночку». Она процитировала сенатора Линдси Грэм: «Возможно, мультилатерализм — трудный путь, но это лучше, чем сидеть дома одному». Сотрудничество и компромисс, подчеркнула она, — это веление времени. Даже не называя имени Трампа, федеральный канцлер атаковала различные аспекты его политики под девизом «Америка прежде всего».

Она выразила озабоченность выходом США из Договора о РСМД, который является важным столпом европейской архитектуры безопасности: «Учитывая наши базовые интересы, мы, разумеется, предпримем все усилия, чтобы обеспечить возможность дальнейших шагов к разоружению. Слепое наращивание вооружений не может служить ответом на вызовы современности». Она отметила, что оборонные расходы на уровне 2% ВВП — это всеобщая цель; Германия уже повысила собственные расходы с 1,18% в 2014 году до сегодняшних 1,35% и выйдет на уровень 1,5% к 2024 году. «Многим этого недостаточно, но для нас это серьезный рывок». Кроме того, Германия может гордиться своим вкладом в оборону балтийских государств, а также участием в многочисленных операциях НАТО (например, в Афганистане, Северо-Восточной Африке, Средиземноморье) и вне рамок НАТО (например, в Мали).

Она выразила обеспокоенность непрозрачной стратегией США в Афганистане. Союзники должны обсудить «дальнейшее развитие», считает она; ей бы не хотелось, чтобы Германии пришлось спешно выводить 1,3 тыс. немецких военнослужащих, несущих службу у Индукуша, только потому, что там не останется других участников «интегрированных сил», то есть американцев. Она жестко раскритиковала выход Вашингтона из ядерной сделки

с Ираном: «Насколько аннулирующее единственное еще действующее соглашение с Ираном может служить нашему общему делу, нашей общей цели, а именно ограничению негативного или сложного влияния Тегерана? Возможно, мы больше помогли бы нашему общему делу, сохраняя тот маленький якорь, который еще остается, чтобы через него стараться оказывать давление и в других областях?»

Если каждый станет вводить собственные санкции против России, полагает Меркель, это плохо для всех. Она осудила аннексию Крыма и поддержку сепаратистов Донбасса, но напомнила, что «через несколько лет ситуация может выглядеть совсем иначе». Она вступилась за проект «Северный поток-2»: «Российская молекула газа остается российской молекулой газа вне зависимости от того, доставляется она через Украину или по дну Балтийского моря... Но, поскольку мы импортировали российский газ даже во время холодной войны... то я не знаю, чем сегодняшние времена настолько хуже, что мы не хотим сказать: Россия остается нашим партнером».

Наконец, Меркель высмеяла решение Вашингтона отнестись немецкий авиаторам к угрозам для национальной безопасности США. Крупнейший завод BMW расположен в Южной Калифорнии, а не в Баварии, подчеркнула она: «Если эти ав-

томобили... вдруг оказываются угрозой для национальной безопасности США, то это нас пугает».

Девиз Мюнхенской конференции по безопасности в этом году гласил: «Большой пазл: кто его соберет?». В завершение речи Меркель предложила свой ответ на этот вопрос: «Только все мы вместе». Реакция публики не заставила себя ждать: канцлеру Германии аплодировали стоя несколько минут.

Следующим выступал вице-президент США Майк Пенс. Своим выступлением он адресовал только одному слушателю, писала Süddeutsche Zeitung, а именно президенту Трампу, имя которого повторялось ежеминутно и в общей сложности прозвучало 34 раза. Среди прочего Пенс пригрозил покончить с солидарностью между союзниками: «Мы не сможем платить за оборону Запада, если наши союзники впадут в зависимость от Востока».

Публика приняла его с холодом, который не был выражением антиамериканского. Между большей частью Европы, с одной стороны, и президентом Трампом и его администрацией, с другой, действительно пролегла пропасть, но это не означает враждебности по отношению к Америке как таковой. Разница стала очевидной, когда на трибуну вышел бывший вице-президент США Джо Байден. Он дистанцировался от политики односторонних шагов Дональда Трампа и заверил, что Америка помнит о своих обязательствах перед союзниками, несмотря на общее впечатление, будто его страна сбрасывает с себя ответственность мирового лидера. «Американский народ понимает, — подчеркнул он, — что, только работая в сотрудничестве с нашими друзьями, мы сможем оседлать силы стремительных перемен в мире, нивелировать их негативные аспекты и превратить эти силы в наше коллективное преимущество».

Обратившись к изоляционистской политике нынешней администрации, Байден закончил словами: «Я обещаю вам, как бы сказала моя мать, что и это не навсегда. Мы вернемся. Не сомневайтесь ни на минуту». Такая концовка вызвала бурю аплодисментов и вселила в участников надежду, что охлаждение трансатлантических отношений будет недолгим, а размолвка — не вечной. Германия делает все, чтобы Европа стала более сильным партнером в трансатлантическом комьюнити будущего.

ПЕРСОНА

«Предпринимательское мышление» заменяет политическое»

>> стр. 1

У меня сложилось впечатление, что особенности национального немецкого характера наиболее наглядно проявляются как раз в вопросе газоснабжения. Было и так ясно, что газ нужен, что его должно быть в изобилии по взвешенной, разумной цене... Наше же предложение о поставках газа по морскому дну полностью отвечало этим критериям, было воспринято и, конечно же, вписано в общую линию поведения ФРГ.

Все это касается и действовавшего тогда и даже частично усовершенствованного наземного газопровода, проходящего в том числе через Украину. В отношении этого газопровода тоже, кстати, возникают немалые проблемы.

Правда, не только украинский кризис, но и геополитика в целом стала в последнее время очень тревожить. Если ведущая роль США в западном сообществе склоняла германских политиков к проамериканским действиям не только в НАТО, но и в мировой политике в целом, то заявленные американцами претензии насчет поставок сжиженного газа, в том числе в Германию, повергли немцев, причем и политическую верхушку тоже, в нечто похожее на состояние кризисного противостояния.

— Хватит ли теперь у Берлина влияния, чтобы продать дальнейшее развитие «Северного потока-2»?

— Я думаю, что да. Даже французы встали на сторону немцев. На совещании в Еврокомиссии они совместно договорились, что будут продолжать прокладку «Северного потока-2». Прокладка продолжится, но какие шаги предпримут американцы? Как, впрочем, и некоторые в Евросоюзе, также согласные продвигать сжиженный газ. В ФРГ все хорошо понимают, что это невыгодно, что в том числе для германской экономики это будет негативно. Тем не менее давление сохраняется. Чем это может закончиться, никто в политических кругах Германии предположить не может.

«Очень многие выражают понимание»

— Вы работали в Германии в простое время. Какими вам запомнились 2014–2015 годы? Сохранились ли у вас тогда формальные и неформальные контакты с собеседниками в Германии?

— Конечно. Более того, я вам могу сказать, что в тот период особенно представителями большинства экономических и предпринимательских объединений просто повалили к нам в посольство, стали проводить огромное количество мероприятий, которые были посвящены дальнейшему развитию отношений с нами, приглашали меня на бесчисленное количество встреч.

Я часто выступал на германском телевидении, в том числе в дискуссиях вместе с коллегами, которые были и на моей стороне, и на противоположной. Довелось неоднократно общаться с такими выдающимися личностями, как Эгон Бар, Ханс-Дитрих Геншер, Гельмут Коль и другие.

— А с Ангелой Меркель вам доводилось тогда беседовать?

— Несколько в основном формальных встреч имели место.

— А сегодня в Берлине, как вы полагаете, есть те, кто понимает российскую позицию?

— Очень многие выражают понимание. Другое дело, что не все это вслух говорят — настолько изменилась атмосфера.

— Вы на протяжении нескольких десятилетий следите и за внутренней политикой Германии. А в ней что изменилось?

— Для нынешней германской политики характерно отсутствие партийно-мыслящих политиков, которые, выходя в платформу партии, старались бы ее продвигать и реализовывать. Заметно это, например, по действиям руководства ХДС, которое, не делая особых акцентов на собственном партийных принципах и воззрениях, вдруг однажды, например, заимствовало уставовку на отказ от атомной энергетики.

Не так давно и социал-демократы показали, насколько они отошли от

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ ГРИНИН

Окончил международно-правовой факультет МГИМО и с 1971 года начал работу в МИД СССР. В первую длительную заграничную командировку уехал в 1973 году в ФРГ, где работал под руководством посла Валентина Фалина и Владимира Семенова. В 1982 году окончил Дипломатическую академию МИДа, далее занимал различные должности в советском, а затем российском дипломатическом ведомстве: участвовал в советско-американских переговорах по ограничению ядерных и космических вооружений в Женеве, работал в диппредставительствах в ГДР и в объединившейся Германии, руководил Четвертым европейским департаментом МИД РФ, был генеральным секретарем министерства. В 1996–2000 годах — посол России в Австрии, в 2003–2006 годах — в Финляндии, в 2006–2010 годах — в Польше, в 2010–2018 годах — в Германии. Владеет немецким, английским и французским языками. Женат, имеет дочь.

своих прежних взглядов на Россию. В октябре 2018 года фракция СДПГ сделала заявление, в котором говорилось, что «Россия по-прежнему определяющая страна к востоку от границы Евросоюза, будь то в качестве потенциального партнера или как вызов». Это какое-то не вполне понятное заявление.

— Вы имеете в виду, что они отошли от традиционных позиций социал-демократов, которые были настроены на сотрудничество с Москвой?

— Мне просто не ясно, в чем суть их нынешней линии поведения, в том числе касательно мирного сосуществования. До последнего времени

с социал-демократом мы находили общий язык.

— Это то самое размывание позиций центральных партий в ФРГ, о котором говорят уже много лет. И которое сегодня характерно и для немецкой политики, и для других европейских стран.

— Совершенно верно. Сейчас в германской и европейской политической среде созревает то, что я бы назвал предпринимательским мышлением, которое заменяет политическое. Мало кто настойчиво продвигает программу своей партии.

— Так может это отказ от продвижения партийных интересов в пользу интересов страны?

— Да, скорее это связано с рационально-экономическим мышлением, которое, к сожалению, вытесняет политическое. В последние десятилетия в Германии, как и во многих других европейских странах, доминирует рационально-экономическое мышление. Оно не исключает политическое, но вытесняет его. Это приводит к тому, что политическое мышление заменяется рациональным. Рациональное мышление не исключает политическое, но вытесняет его. Это приводит к тому, что политическое мышление заменяется рациональным. Рациональное мышление не исключает политическое, но вытесняет его. Это приводит к тому, что политическое мышление заменяется рациональным.

— Когда, в 1981–1983 годах, тоже не все получилось. Квиринский и Нитце посветили друг друга в свои представления о возможных решениях, друг друга поняли и, можно сказать, даже нащупали потенциальную развязку. Но далее дело не пошло. Переговоры в целом окончились ничем.

— Но вот когда у нас сменилась власть, то началось известное движение, и в 1987 году дело действительно дошло до подписания Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности.

— А какую роль в условиях политического кризиса играют общественные и гражданские инициативы, тот же «Петербургский диалог»?

— У нас сохраняется целый ряд как совместных, так и односторонних форматов для российско-германских отношений: «Петербургский диалог», «Потсдамские встречи» — фактически совместные, Фонд Горчакова с нашей стороны или те же Rotary Club, Carl Friedrich von Weizsäcker Stiftung и целый ряд других — с германской. Есть и такие знаменитые, как немецкий Германороссийский форум и наше «параллельное» Общество Россия—Германия. В последнем я являюсь председателем попечительского совета. Возникли, правда, у нас некоторые проблемы с финансовой поддержкой этой организации. Но мы надеемся, что через активное сотрудничество с российским предпринимателями и с немецкой стороной это удастся решить.

— На примере «Петербургского диалога» скажу, что, с одной стороны, он продолжает расширяться, особенно после 2014 года. С другой стороны, дискуссии, на которых я присутствовал в последнее время, были порой достаточно острыми. Происходит все это под давлением несколько изменившихся политических настроений в Германии в последние годы, но на традиционный настрой на сотрудничество с нами в целом не влияет. В любом случае ни с какой другой страной у нас нет такого количества различных форм дискуссий, консультаций, встреч, как с Германией.

— Почему тогда удалось договориться, а сейчас по ДРСМД — нет?

ПЕРСПЕКТИВЫ

Полюбить «скрытых чемпионов»

Новые предложения министра экономики ФРГ Петера Альтмайера по господдержке промышленности могут стать предметом для важной дискуссии в рамках «Петербургского диалога».

Владислав Белов, заместитель директора Института Европы РАН, описал ее основные направления для «Д».

Владислав Белов

Одно из бесспорных преимуществ Германии — высоко развитая и конкурентоспособная промышленность. Ее доля в ВВП — самая высокая среди крупных и средних стран ЕС: более одной пятой. Она обеспечивает высокую экспортную и импортную квоту, беспрецедентно большой внешнеторговый актив, существенное количество рабочих мест. Многие немцы работают в машино- и автомобилестроении, химии, электротехнике, оптике и точной механике, самолетостроении. С промышленностью связаны и оказываемые немецкими компаниями промышленные услуги (инжиниринг, строительномонтажные услуги и пр.). Все это объединяет всемирно известный бренд Made in Germany, за которым стоит высокое качество, что среди других европейских стран обеспечивает лидерство Германии в кооперации с Россией.

В прошлом месяце министр экономики и энергетики ФРГ Петер Альтмайер выступил с инициативой ускорения разработки национальной промышленной стратегии, которая должна координироваться с аналогичной политикой на уровне Евросоюза (до этого он говорил об этом в интервью журналу Spiegel). Примечательно, что до этого таких указаний на необходимость возрождения прямого вмешательства государства в национальную индустрию не звучало. Казалось, что германский промышленный дирижизм почил в

бозе в 60–80-е годы прошлого века. В 1990-е и нулевые годы ему на смену пришла государственная инновационная и кластерная политика, ориентированная на поддержку частно-предпринимательской инициативы. Именно через нее можно было выявить будущие высокотехнологические точки экономического роста (параллельно с этим объединение Германии привело к деиндустриализации бывшей ГДР). В последние годы эта политика была дополнена политикой энергетической и цифровой трансформации. Особенно важна последняя: с 2013 года промышленная дигитализация реализуется в рамках стратегии «Индустрия 4.0», одна из целей которой реиндустриализация немецкой экономики. Многие государства ЕС скопировали ее и стали внедрять. С некоторыми из них ФРГ заключила двусторонние соглашения о кооперации в области цифровизации промышленности.

В 2014 году Брюссель поставил задачу повышения доли промышленности в Евросоюзе к 2020 году до 20%. Но так как прогресса не наблюдалось, эту задачу перенесли на 2030 год (для ФРГ планка поднята с 23% до 25%).

В 2013 году по инициативе Франции, поддержанной Германией, был создан европейский формат обсуждения рамочных условий развития и повышения конкурентоспособности индустриального сектора ЕС «Конференция друзей промышленности» (Friends of

Лейтмотив министра экономики ФРГ — неизбежность в условиях глобализации государственного вмешательства в экономику

Берлин. Министр Петер Альтмайер презентует национальную индустриальную стратегию

Industry Conference). Предпоследняя встреча прошла в Берлине. Именно тогда представители 20 государств ЕС (на уровне министров) приняли «Берлинское заявление», в котором сформулировали основные требования к общей промышленной стратегии Евросоюза. Эти требования легли в основу документа ЕС «Инвестиции в интеллигентную, инновационную и устойчивую промышленность — новая стратегия индустриальной политики». Этот документ позже уточнялся — например, Германия настояла на включении пункта о необходимости углубления европейской кооперации в сфере прорывных технологий, в том числе в производстве аккумуляторных элементов и искусственного интеллекта.

И вот теперь немецкий министр публикует проект «Национальная промышленная стратегия-2030», который содержит призыв к коллегам из стран ЕС и чиновникам Брюсселя обсудить параметры эффективной государственной поддержки промышленного сектора, без которой невозможно обеспечить долгосрочную конкурентоспособность европейских промышленных компаний на мировых рынках и возврат цепочек добавленной стоимости, то есть рабочих мест, в Европу. Несомненной удачей в сфере господдержки, с точки зрения министра, является германо-французский концерн Airbus. Одна из названных ключевых проблем стран Евросоюза и Германии — низкий уровень коммерциализации собственных уникальных ноу-хау/патентов по

сравнению с США и Китаем. В качестве примера лучшей практики Петер Альтмайер считает госпрограмму «Сделано в Китае-2025» (Made in China 2025). В то же время крупнейшие китайские компании, опирающиеся на существенную государственную поддержку, рассматриваются ФРГ и Францией в качестве основного стратегического вызова для отечественно-

ской компании Alstom и немецкого концерна Siemens. Выступая за одновременную поддержку отечественного среднего бизнеса, особенно «скрытых чемпионов» (hidden champions), Альтмайер тем не менее основную ставку делает на создание суперконцернов — в мировой конкуренции именно «размер имеет значение!» (Size matters!).

Когда речь идет об экономической безопасности страны, немецкий министр при необходимости готов лично вмешиваться в проекты с участием внешних стратегических инвесторов, особенно китайских.

В общем, в рамках новой промышленной стратегии явно торчат родимые пятна дирижизма, которые в документе аккуратно прикрываются ограниченными временными рамками и рыночными принципами экономики (необходимы гибкие рамочные условия, нельзя вмешиваться в процесс принятия предпринимательских решений и пр.). Но все-таки лейтмотив Петера Альтмайера — неизбежность в условиях глобализации государственного вмешательства в экономику. У нас в России неизбежно возникает вопрос: чем же принципиально от предложений министра отличается политика российского государства по поддержке своего национального чемпиона «Газпрома»? Разве создание с помощью европейских суперконцернов не означает ухудшение конкуренции на рынках — не важно каких: газовом, машиностроительном или искусственного интеллекта. Мне кажется, это очень интересный вопрос для обсуждения на очередной дискуссии «Петербургского диалога».

Берлин и Париж считают необходимым изменить регламент, регулирующий конкурентную политику ЕС

и европейского бизнеса. Неслучайно еще в конце 2016 года Берлин и Париж выступили инициаторами ужесточения контроля ЕС над инвестициями в стратегически важные отрасли, в первую очередь осуществляемыми китайскими компаниями. В целях сохранения европейских позиций Берлин и Париж считают необходимым изменить регламент, регулирующий конкурентную политику ЕС, и разрешить слияние ведущих национальных игроков в важнейших для Евросоюза сферах промышленности, например в производстве железнодорожной техники и оборудования. Замечу, что это мнение не помешало ЕС запретить сделку по слиянию француз-

Кварцверке – Больше чем просто горная промышленность

- Устойчивое развитие как перспективный образ предприятия
- Надежное снабжение ключевых отраслей промышленности промышленными минералами
- Инновационные продукты - традиционные ценности
- Социальная ответственность за работников и соседей
- Награда за мероприятия по сохранению биоразнообразия

Quarzwерке

СЕМЕЙНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ С 1884 ГОДА

www.quarzwерке.com

РЕЦЕНЗИЯ

«Господин Горбачев, снесите эту стену!»

В марте Михаилу Горбачеву исполнилось 88 лет. Он дожил до обожания миром и очень противоречивого отношения к себе в России.

Недавно году на русском языке вышел, пожалуй, самый глубокий труд об «отце перестройки» — книга американского исследователя Уильяма Таубмана «Горбачев. Его жизнь и время». Для «Д» о ней рассказывает **Виктор Лошак**.

Виктор Лошак

Самое глубокое, фундаментальное исследование о Михаиле Горбачеве и перестройке не стало сенсацией в России. О труде Уильяма Таубмана почти не пишут. Все это объяснимо настроениями в стране и прежде всего романтизацией СССР. Боюсь, что сейчас самым популярным ответом на вопрос «Кто такой Михаил Горбачев?» будет: «Тот, кто развалил СССР». Россия начала XXI века — очевидный ответ на едва ли не главный вопрос перестройки о том, как быстро можно изменить советского человека. Оказалось, что строй, экономика, структура огромного государства меняются куда быстрее, чем человек.

Забыто, что представлял собой Советский Союз конца 80-х прошлого века. Очереди, дефицит, ожесточение холодной войны, непосильные расходы на армию, развалившееся управление...

Для автора, видимо, принципиально, что его исследование не стало официально одобренной биографией Михаила Сергеевича, что он не обращался к бывшему советскому лидеру с просьбой ее написать. Первая его встреча по этому поводу с будущим героем, пожалуй, была изчерпана вот этой фразой: «Горбачева трудно понять», — сказал он мне, отыскав о самом себе в третьем лице, как он это нередко делает.

Как крестьянский мальчишка, который на «отлично» написал сочинение, восхвалившее Сталина, превратился в могильщика советского строя? Почему ему таким важным оказалось мнение о себе мира? Были ли у Горбачева план?

Таубман 12 лет работал над ответами на эти и другие вопросы, над исследованием последнего лидера СССР и его времени. «Несмотря на ошибки и неспособность достичь всех своих благородных целей, он остается трагическим героем, который заслуживает нашего понимания и восхищения» — это последний вывод, последняя фраза книги.

Если читать «Горбачева» внимательно, то увидишь, как в пользу симпатии к Михаилу Сергеевичу по ходу исследования его жизни и состояния страны меняется тон автора. Таубман не поленился заглянуть в его детство и юность, во времена, когда Михаил Сергеевич был среднего звена провинциальным партийным функционером. Читатель начинает понимать, как жадно еще задолго до попадания в большую власть чета Горбачевых открывала мир. Подруга семьи вспоминает: «Они молодцы, другие тратили деньги на вещи, приобретение, а они — на поездки. Покупали туристические путевки и ездили, смотрели мир». Из этого времени было уже рукой подать до декабря 1984 года — знаменитой премьеры Михаила и Раисы Горбачевых на мировой арене. Тогда это был визит в Великобританию еще не руководителя страны, а просто главы Международного парламентского комитета. Ближайшая помощница Тэтчер вспоминает, как все были очарованы этой парой. «Поскольку Горбачева была одета элегантно по-западному в хорошо шитый серый в полосочку костюм — я бы сама такой с удовольствием надела». Именно в конце этого визита Тэтчер открыла перед Горбачевым многие двери своей знаменитой фразой: «Мне нравится мистер Горбачев. С ним можно иметь дело».

В своей книге Таубман напоминает нам, что удивление страны Горбачевым началось еще до того, как он объявил новый курс и в СССР заговорили о перестройке и гласности. Через несколько недель после избрания Михаил Сергеевич отправился в свою первую поездку. Естественно, в Ленинград. Выступая там перед партийным активом, он пока еще не сказал ничего революционного: дисциплина, качество работы, «мобилиза-

ция всех творческих сил»... Но говорил страстно, убедительно и без всяких бумажек. Страна была буквально ошарашена! Кассеты с ленинградским выступлением продавались на черном рынке.

Интересно, во что верил в момент прихода к власти в стране ее лидер? Что собирался делать?

Разбирая взгляды и выступления Горбачева, задавая прямые вопросы самому советскому лидеру, автор считает: «Упоминания о верности идеям большевиков не были тактическим реверансом — это говорилось вполне искренне. Он действительно по-настоящему верил — конечно, не в преимуществе советского строя, каким он был в 1985 году, но в то, что его еще можно исправить и приблизиться к заветным идеалам... Горбачев верил в социализм, это была вера его любимых отца и деда». Действительно, его поколение и особенно его соратники считали, что социализм извращен и его еще можно спасти, реформируя.

Жизнь и понимание реального положения страны очень меняли Горбачева, но единственным, что он всег-

«Как получилось, что Горбачев стал единственным в русской истории политиком, который, имея в своих руках полную власть, сознательно шел на риск ее потерять?»

да отметал с порога, были любые попытки изменить советский строй с помощью силы или насилия. Однако в итоге, как замечает Таубман, Горбачев «взялся менять все сразу: политическую систему, экономику, идеологию, межэтнические отношения, внешнюю политику и даже само понятие советского человека». Были ли у Горбачева план перестройки, ее стратегия? Соратники говорят, что их не было и не могло быть ни у кого — настолько необычной была задача преобразовать диктатуру в демократию, командную экономику в рыночную, централизованное государство в настоящую федерацию, а холодную войну в новый мировой порядок, основанный на отказе от силы. Ну и главное, чего не учел Горбачев, — это сложность преобразования советского человека с его традиционным авторитаризмом и антизападничеством. Скорее был у Михаила Сергеевича не план, а мечта: «совместить соци-

Июль 1990 года. Общение между переговорами — Гельмут Коль и Михаил Горбачев

ализм с научно-технической революцией», «использовать преимущества, свойственные плановой экономике».

Самым первым и, возможно, самым решительным новшеством Горбачева стало отрицание старого стиля руководства: новый генсек категорически запретил нести свой портрет во время демонстраций, на совещаниях он прерывал тех, кто начинал славословия в его адрес.

Частью имиджа нового генсека стала его жена. Раиса Максимовна — элегантная, любящая, честолюбивая — она была всегда рядом. А это уже само по себе было необычно.

Сегодня очевидно, что ни Горбачеву, ни после него Ельцину не удалось провести корабль страны сквозь поднявшийся необычайной силы шторм межнациональных конфликтов. Таубман довольно подробно описывает, как развивались события и те половинчатые меры, на которые соглашался генсек, а позже президент СССР. Из сегодняшнего дня важным кажется, что Горбачев всегда понимал и перечислял среди первых «потенциальных очагов противостояния на этнической почве» Украину, где в тот момент проживали 14 млн русских. Вместе с тем Михаил Сергеевич тогда обладал потрясающим для

сохранения психики качеством: он видел то, что хотел увидеть. Но национальные движения были мощными и неизбежными. Подробное описание их в «Горбачеве» — это и аргументы для ответа на вопрос, можно ли было одновременно дать свободу и сохранить СССР.

Что бы и кто сегодня ни говорил, мир не хотел распада СССР. Советский Союз был привычным, а с приходом Горбачева к власти и понятным, неагрессивным партнером. Когда в том же 1989-м президент Буш-старший посетил после Москвы Киев, начинавшие чувствовать вкус новой большой власти украинские лидеры ждали от Америки поддержки, но президент США, как мог, осадил националистов. «Свобода — это не то же самое, что независимость. Американцы не станут поддерживать тех, кто стремится к независимости для того, чтобы сменить тиранию, навязываемую издавна, местным деспотизмом. Они не станут помогать тем, кто поощряет самоубийственный национализм», — заявил Буш украинскому парламенту.

1989-й был и годом, когда окружение впервые услышало от Горбачева размышления на тему конца карьеры. Самый близкий из помощников

Анатолий Черняев записал в дневнике слова Михаила Сергеевича во время отдыха в Пицунде: «Не бросить ли все, не отойти ли в сторону... пусть те, кто получил свободу, покажут, умеют ли они ею пользоваться». Автор книги комментирует: «Горбачев не ушел в отставку. Хотя, возможно, стоило уйти — ради себя самого и особенно ради жены, которая гораздо ближе к сердцу, чем он, принимала все беды и сложности». Хорошо известно, что после смерти Раисы Максимовны Горбачев не раз винил в этой трагедии себя...

Первый Съезд народных депутатов СССР 1989 года можно было бы назвать вершиной позднесоветской демократии. Но помощник генсека Анатолий Черняев назвал этот период «временем скольжения перестройки по наклонной». Этой «наклонной» стала ситуация на рынке, разрыв между возрастными семейными доходами и отсутствием товаров. Из 989 видов самых важных к концу года в свободной продаже были лишь 11%. Из магазинов начисто исчезли телевизоры, холодильники, моющие средства, мебель, утюги, косметика, школьные тетради и карандаши... Обсуждая это, Горбачев прямо сказал коллегам по политбюро: «Ситуация критическая. Имеем год, максимум два, иначе надо уходить».

Известно, что в Германии к Горбачеву особое отношение и прежде всего потому, что он дал возможность стране опять стать единой. «Революция Горбачева изменила как сознание десятков тысяч россиян, которые отныне осмеливались противостоять войскам и танкам, так и генералов, военных, которые отныне не осмеливались стрелять в свой народ». Обстоятельства ухода Горбачева не сделали чести ни сменявшей его власти, ни тем порядкам, которые были установлены в Советском Союзе многие десятилетия. Удивляет не то, что никакие проводы президента СССР в декабре 1991-го не произошло, а то, что ни один из президентов теперь уже суверенных государств на территории СССР не только не приехал в Москву, но даже не позвонил Горбачеву.

Свою прощальную речь, показанную телевидением, Михаил Сергеевич прочел ровно, голос его не дрогнул. Хотя последние фразы, видимо, дались ему с трудом: «Наверняка каких-то ошибок можно было избежать, многое сделать лучше. Но я уверен, что раньше или позже наши общие усилия дадут плоды, наши народы будут жить в процветающем и демократическом обществе». Таубман рассказывает, что за день до отъезда Горбачевым связался канцлер ФРГ. На вопрос немца об СНГ Президент СССР ответил: «Не верю в успех, но хочу, чтобы у них получилось». «Коль, — пишет исследователь, — напомнил о бесконечной благодарности немецкого народа Горбачеву и предложил ему переехать в Германию, советский лидер поблагодарил друга, но ответил, что останется в России».

Чета Горбачевых и чета Буш во время церемонии официальной встречи в Америке

МНЕНИЕ

Туманные позиции

ЕС не хватает четкой стратегии в отношении России. С ней боятся как сблизиться, так и окончательно оттолкнуть.

Многое, считает политолог и публицист **Эрик Бонзэ**, будет зависеть от ясной позиции двух ключевых игроков Евросоюза — Германии и Франции.

Эрик Бонзэ

Когда осенью 2014 года Федерика Могерини получила назначение на пост верховного представителя ЕС по иностранным делам, Брюссель взбудоражила одна фотография. На ней итальянка жмет руку Владимиру Путину: рукопожатие твердое, взгляд уверенный. Этот снимок был сделан в Кремле во время ее первого визита в Москву в июле 2014 года, когда Могерини еще была главой итальянского МИДа.

Человек, выдающийся такое радушие при встрече с Путиным, никак не может говорить от имени всех 28 государств ЕС, считали ее противники в Брюсселе. Излишней близостью с Москвой Могерини попрекали прежде всего восточные европейцы. И хотя итальянский политик из лагеря социал-демократов в итоге вступила в должность, совместная фотография с Путиным преследует ее по сей день и символизирует драматизм перемен в отношениях между ЕС и Россией.

Сегодня неммыслимо, чтобы Могерини решила публично продемонстрировать доброе расположение к Путину. Теперь ей приходится быть начеку. Любое заявление «высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности», как полностью называется ее должность, в отношении России — это образец дипломатической эквилибристики. Былой «стратегический партнер» стал противником, а в восприятии некоторых и вовсе врагом.

Аннексия Крыма, попытка отравления бывшего российского агента Сергея Скрипаля и инцидент в Керченском проливе повысили напряженность отношений с Россией до грани разрыва. Евросоюз стал настолько недоверчив, что сегодня подозревает Москву даже в кампании по дезинформации в связи с выборами в Европарламент и потому вооружается для ее отражения. В связи с Сирией Россия тоже считается способной на что угодно.

О том, что российская «интервенция» в Сирии способствовала оттеснению «Исламского государства» (запрещено в РФ — «Д») и прекращению наплыва беженцев в Европу, в Брюсселе практически не вспоминают. Усилия Путина, направленные на достижение соглашения с Ираном по ядерной программе, тоже не принесли ему благодарности. ЕС охотно принимает поддержку, но ее семена не падают на благодатную почву — слишком велико недоверие.

Для Могерини это предмет большого разочарования. При вступлении в должность у нее была цель — выстроить новые доверительные отношения, однако сегодня приходится радоваться, если Европа не скатывается назад к холодной войне. В Брюсселе ответственность за это возлагают главным образом на Путина, чья политика воспринимается как все более агрессивная. Но отрицательно на ситуацию сказывается и трансатлантический кризис отношений, наступивший после инаугурации президента Дональда Трампа.

Так, администрация Трампа силится сорвать запланированное строительство но-

Антироссийские настроения усилились настолько, что двухлетней давности улыбки Федерики Могерини на встрече с российским министром иностранных дел могут сегодня стоить ей в Брюсселе упреков

вого российского газопровода «Северный поток-2». Германии и другим странам, участвующим в проекте, грозят санкциями. Трамп и вовсе пытается дать новое определение европейской безопасности в области поставок энергоносителей. Его маневры направлены не только против России, но и против Германии, а также внешней политики Евросоюза, который бьется над выработкой единой линии.

Выход США из Договора о РСМД тоже ставит Евросоюз перед серьезными проблемами. Большинство государств ЕС согласны с тезисом о нарушении Россией условий Договора о ядерном разоружении. Однако они опасаются, что индивидуальные действия Вашингтона могут нанести урон интересам Европы. Могерини подчеркивает: «Договор о РСМД способствовал прекращению холодной войны, и никто в Европе не хочет возврата в те мрачные времена».

Но пока не похоже, чтобы ЕС был в силах предотвратить скатывание в эпоху, которая долгое время считалась ушедшей. При этом в последние годы европейцы определенно прилагали усилия, чтобы обрести большую самостоятельность в вопросах политики безопасности и выйти из тени прежних великих держав. Особенно обращают на себя внимание две инициативы.

Прежде всего это попытка получить большую независимость от России в вопросах энергетической политики. Еще в мае 2014 года Еврокомиссия представила стратегию по диверсификации энергоснабжения ЕС. Одна из ее составляющих — диверсификация закупок энергоносителей из-за рубежа, то есть уменьшение зависимости от российского природного газа.

Примечательна и ситуация с так называемым Постоянным структурированным сотрудничеством по вопросам безопасности и обороны (PESCO). Решение о запуске данной программы было принято в декабре 2017 года, дабы обеспечить ЕС возможность солидарных и автономных действий — если придется, то и военными средствами. В последнее время даже ведутся разговоры о со-

здании «объединенной армии» — правда, соответствующие планы остаются расплывчатыми, даже Берлин и Париж не могут прийти к единому мнению.

Интересно будет наблюдать за динамикой реализации обоих проектов. Их направленность окажется преимущественно антироссийской, как того хотят политики прежде всего в Польше и странах Балтии? Или же в результате Европа «в определенной степени» эмансипируется от США, как выражается канцлер Меркель? Наконец, возможно, ЕС будет стремиться к «стратегической автономии», как предлагает Франция?

До сих пор проследить четкую стратегию не удавалось. Даже Россия не просто квалифицировать новые инициативы ЕС. Так, по словам президента Путина, он не видит проблемы в перспективе создания общеевропейской армии: «Это в целом процесс положительный с точки зрения укрепления многополярности мира... В этом смысле у нас переключаются позиции с Францией».

Решающее слово могла бы сказать Германия, вот только позиция немцев стала туманной и амбивалентной. С одной стороны, правительство Федеративной Респуб-

ли одобряет более тесное взаимодействие с Францией. Берлин и Париж плотно сотрудничают и в контексте отношений с Россией. В то же время Берлин испытывает мощное давление со стороны Вашингтона, направленное на более активное участие в военных вопросах и позиционировании себя против России. И это уже происходит, в частности в рамках нового «острия копья» НАТО. В начале 2019 года ведущая роль перешла к Бундесверу.

Политика Евросоюза тоже все в большей мере получает «противороссийскую» направленность. Да, Могерини продолжает видеть в России «естественного партнера и стратегического игрока». Но вместе с тем в рамках оборонительного союза она продвигает строительство танковых дорог, дающих возможность более оперативного проведения военных операций на востоке континента.

Соответствующие планы направлены не против России, заверяют в Брюсселе, кампания по борьбе с дезинформацией тоже нацелена не только против Москвы. Однако вопрос, кто еще может иметься в виду, остается открытым. За всем этим не видно какой-то определенной стратегии.

БЕЗОПАСНОСТЬ

Шансы минимальны, но они есть

>> стр. 1

При этом, скорее всего, Германия, Франция и некоторые другие страны не станут размещать на своей территории американские ракеты. Вероятные районы их базирования — Польша, Румыния, прибалтийские государства.

Третий. Развертывание указанных типов ракет может осуществляться американцами только в АТР, России — только на востоке страны. В этом случае России придется учитывать реакцию Китая, поэтому масштабы развертывания могут быть минимальными с тем, чтобы не вызывать обострения отношений с стратегическим партнером.

Четвертый. Вслед за ракетами с ядерным оснащением США и Россия переходят к развертыванию ядерных крылатых ракет средней дальности на территории ЕС и запада России. Такой процесс может быть относительно длительным, поскольку для обеспечения ядерной безопасности необходимо дополнительное развитие соответствующей инфраструктуры для хранения и эксплуатации ядерных средств.

Пятый. В дополнение к крылатым ракетам США и Россия могут разрабатывать и развернуть баллистические ракеты средней дальности с ядерными боезарядками. Американцы могут реинвестировать производство ракет «Першинг-2» с улучшенными характеристиками. В России

это возможно за счет использования ступеней ракет типа «Тополь-М» и «Ярс», также в случае отсутствия нового договора по СНВ — развертывания ракетного комплекса «Рубеж» с решением задач на европейском театре военных действий. Это вернет США, Россию и ЕС к отношениям, значительно более опасным и критическим по сравнению с теми, которые имели место в 80-х годах прошлого столетия из-за технологических достижений и территориальной близости.

Можно предполагать, что реакция правящих структур и населения в странах ЕС может варьироваться от относительно спокойной в условиях первого варианта до более негативной и острой вплоть до радикальной при реализации последующих вариантов.

Вместе с тем в прогнозируемом периоде нельзя исключать реализацию наиболее спокойного, шестого варианта. Он связан с принятием предложения Дональда Трампа о замене Договора о РСМД на новый трехсторонний договор США, России и Китая по ракетам средней дальности.

Исторический опыт свидетельствует о том, что в период подобных переговоров стороны не предпринимали действий, которые идут вразрез с предполагаемыми ограничениями. Трехсторонние переговоры по такой проблеме будут продолжаться многие годы по двум основным причинам. Во-первых, Ки-

тай традиционно закрывает информацию о своем ядерном потенциале, и убедить его в открытии хотя бы части такой информации будет достаточно сложно — только в обмен на какие-то шаги со стороны прежде всего США, например по ограничению ПРО в АТР. Во-вторых, по экспертным оценкам, наибольшая часть ракет Китая — это ракеты средней дальности, отказаться от которых вряд ли возможно. Наконец, достичь договора между тремя государствами по типу Договора о РСМД представляется вряд ли возможным. Это связано с необходимостью постоянного контроля выполнения условий договора.

Трудно вообразить распространение системы контроля над ликвидацией вооружений по Договору о РСМД. Советские и американские инспекторы контролировали все процессы ликвидации при подрывах ракет, их пусках, сплющиванию обтекателей головных частей, постоянно присутствовали рядом с заводами — изготовителями ракет и контролировали их периметры. Очевидно, что создать подобную систему перекрестного контроля в трехстороннем формате в перспективе нельзя. Поэтому лучше предполагать возможность достижения некоторого соглашения об ограничении ракет средней дальности со значительно менее сложными методами контроля, с большей ориентацией на национальные средства контроля.

КОНФЛИКТ

Только не надо указывать

>> стр. 1

Тем временем федеральный министр экономики Петер Альтмайер искал компромисс прежде всего с США. В начале года он объявил, что федеральное правительство позаботится, чтобы в Германии были терминалы для сжиженного природного газа. Тогда страна сможет импортировать и (более дорогой) американский СПГ. В вопросах энергоснабжения Европа «не должна быть уязвимой для шантажа», позже добавил Альтмайер в присутствии заместителя министра энергетики США Дэна Брулетта. Кроме того, Альтмайер хочет сделать так, чтобы транзит российского газа в Европу через Украину не прекращался.

Казалось бы, с учетом реакции Альтмайера Гренелл может рапортовать о победе. Но не исключено, что его вмешательство приведет к обратному результату: посетит недоверие и вызовет неприятие. США все в большей мере делают ставку на рыночное доминирование в отношениях не только с соперниками, но и с друзьями, отметил Георг Масколо на страницах *Sueddeutsche Zeitung*. Не всегда понятно, где заканчивается политика и начинаются экономические интересы США. Америка хочет продавать Европе свой СПГ взамен российского газа».

Бывший посол Германии в Вашингтоне Вольфганг Ишингер даже дал Гренеллу совет: «Никогда не говорите принимающей вас стране,

что ей следует делать, если не хотите неприятностей. Немцы — благодарные слушатели, но попытки давать указания их оскорбляют». А депутаты Европарламента поднимали вопрос, что бы случилось, если бы Евросоюз ввел санкции против американских компаний, которые после убийства Джамаля Хашокджи закрыли миллиардные сделки с Саудовской Аравией.

С первого дня на посту посла США в Германии Гренелл поддерживал свою репутацию «плохого парня»

С первого дня на посту посла США в Германии Гренелл поддерживал свою репутацию «плохого парня» от дипломатии. Так, на телеканале Fox News он комментировал немецкую политику в манере, подобающей журналисту: он журил Федеральную Республику за низкие расходы на оборону и большой профицит торгового баланса. А после выхода Дональда Трампа из ядерного соглашения с Ираном он написал в Twitter: «Как сказал @realDonaldTrump, санкции США нацелены на решающие отрасли экономики Ирана. Немецким ком-

паниям, ведущим бизнес с Ираном, следует незамедлительно его заморозить».

К настоящему моменту Федеральное управление гражданской авиации отозвало у иранской компании Mahan Air, включенной в санкционный список США, разрешение на совершение рейсов в Германию. Гренелл вслед за госсекретарем Майком Помпео приветствовал этот «прекрасный шаг». В то же время, чтобы европейские компании и дальше могли вести бизнес с Ираном, Германия, Франция и Великобритания договорились о создании специального механизма — «Инструмента поддержки торгового оборота» (Instrument in Support of Trade Exchanges — INSTEX), который позволит расширяться, если частные банки откажутся проводить платежи из страха перед санкциями США. Механизм INSTEX должен будет производить взаимозачет требований европейских и иранских компаний, вытекающих из сделок с нефтью и с другими товарами. Европейцы надеются, что это позволит спасти соглашение по ядерной программе Ирана, несмотря на то что ряд крупных концернов уже ушел с иранского рынка.

Организация Politico так комментирует слова Гренелла: «Да, человек, на которого критики навешивают ярлык „маленького Трампа“, не покорил сердца и умы немецких масс, но в большинстве случаев победа в споре оставалась за ним». И уж точно найдется немного дипломатов, к которым прислушиваются так, как к нему.

Новая жизнь, которую вдохнула в Крым Россия, обернулась для нее затылками санкциями. Однако с самого их начала западные эксперты спорят об эффективности этой меры

ДИСКУССИЯ

Что выбрать: путь или препятствие?

Россия стала неудобным соседом: ситуация с Крымом, недавний инцидент в Азовском море, история со Скрипалем в Великобритании и, наконец, расторжение Договора о РСМД — все это угрожает безопасности Европы. Запад реагирует санкциями, немецкие предприниматели сетуют, что в результате они лишаются бизнес-возможностей. Санкции против России оправданны или нет?

Санкции лучше, чем бомбы

Катя Глогер

В долгосрочной перспективе они ограничивают рост и инновационность российской экономики, и без того переживающей кризис и мало способной к реформам. Но главное, санкции — это единственная альтернатива эскалации.

Российского сыровара Олега Сироту вполне можно провозгласить символом патристической выдержки и воли. Его сыроварня близ Москвы процветает — благодаря Путину и санкциям. В ответ на санкции Запада во время украинского кризиса российский президент ввел антисанкции, весьма протекционистские по своему характеру и, в частности, запрещающие импорт западных молочных продуктов, фруктов и овощей. Сирота едва успевает за спросом на сыры отечественного производства и не упускает возможности публично поблагодарить своего президента. Как-то раз Путин ответил: «Благодарите не меня, благодарите американцев». Дескать, в конечном итоге своими санкциями Запад вредит только себе и помогает российской экономике развиваться.

История с санкциями сложная, во многом противоречивая, однозначного аргумента за или против не существует. В инструментарию внешней политики есть и деревянные молотки, и часовые отвертки. В основе санкций лежит вера, что добиться изменения политического поведения можно и посредством экономического давления. Что лучше ограничить торговлю, чем сбрасывать бомбы.

Столетия истории показывают: санкции способствуют смягчению кризисов и конфликтов или пресекают нарушение прав человека от силы в одном случае из трех. В этом их фиаско и успех одновременно. Санкции призваны не допустить применения военных средств. Они как знак «Стоп» там, где существует опасность эскалации и выхода ситуации из-под контроля.

Пусть те, кто в связи с украинским кризисом высказываются против западных санкций, ответят на один вопрос: как еще ЕС и США могут реагировать на аннексию Крыма Россией и фактическое развязывание войны на востоке Украины контролирующими Москвой сепаратистами и российскими военными почти пять лет назад? Удалось бы Западу усадить Владимира Путина за стол минских переговоров, просто продемонстрировав собственную готовность к диалогу? Военный ответ исключался — и это правильно. При этом Евросоюз хотел не только предотвратить непосредственную угрозу коллапса

украинской армии, но и не допустить, чтобы Конгресс, где доминировали республиканцы, дал зеленый свет поставкам оружия Украине — и это тоже правильно.

Санкции не самоцель. Чтобы увенчаться успехом, они должны иметь долгосрочную и сложную концепцию, сопровождаться политическими и дипломатическими инициативами.

Так, экономические санкции ЕС и США против ядерной программы Ирана помогли вынудить Тегеран к переговорам, по итогам которых был согласован «Совместный всеобъемлющий план действий». В случае с КНДР санкции остаются инструментом давления с целью добиться уступок от ядерного диктатора Ким Чен Ына. Только после того как в 1998 году штат Калифорния пригрозил швейцарским банкам введением санкций, те опубликовали информацию о так называемых заброшенных вкладах — счетах подвергшихся преследованиям и погибших от рук нацистов, большинство из которых были евреями.

В основе санкций — вера, что добиться смены политического поведения можно и посредством экономического давления

Как правило, экономические санкции ударяют по населению соответствующих государств. Власть пререкающим не раз удавалось их обходить. Поэтому всегда нужно помнить о мере и вводить их целенаправленно. Цена санкций не должна быть непомерно большой.

Оружейное эмбарго, ограничения на поставки продукции двойного назначения, оборудования для развития инфраструктуры (например, газовых турбин Siemens для Крыма) и крушение сбитого пассажирского лайнера МН-17, которое унесло 298 жизней. За этим последовали запреты на въезд для высших должностных лиц и высилки дипломатов (из кругов спецслужб) в связи с покушением на отравление Сергея Скрипаля.

Да, в краткосрочном контексте санкции могут даже укрепить путинскую систему: некоторые олигархи возвращают капиталы в страну, а нарратив «Россия — осажденная крепость» прост и удобен в использовании. И все-таки они работают: в долгосрочном контексте санкции ограничивают рост и инновационность экономики, и без того переживающей кризис и мало способной к реформам. Они вселяют неуверенность в инвесторов. Так, глава Счетной палаты РФ и сторонник реформ Алексей Кудрин призывает российской промышленности стремиться к

снижению внешнеполитической напряженности, чтобы гайки санкций как минимум не закручивались еще сильнее.

Санкции вводятся и для того, чтобы их отменить. Они становятся предметом переговоров. В рамках «Минска-2» их отмена предусмотрена только в конце процесса, когда Украина и Россия выполнят все условия соглашения. Украина тоже несет ответственность за то, что шансов на это практически не остается. Наряду с политическим давлением на Киев перспектива поэтапной отмены санкций в отношении России могла бы способствовать тому, чтобы Москва больше делала для выполнения договоренностей, например в связи с режимом постоянного прекращения огня.

Но санкции — это еще и инструмент беспощадной политики силы. Острый меч экспансионистских компаний. Санкции США направлены на третьи стороны. США Дональда Трампа агрессивно используют свое экономическое превосходство для достижения целей, которые другим представляются даже опасными. Наиболее яркий тому пример — выход страны из ядерного соглашения с Ираном. Вторичные санкции означают: любой имеющий дело с Ираном или Россией не может продолжать вести бизнес с США и американскими компаниями. Как показывают угрозы в споре о строительстве «Северного потока-2», это относится как к американским гражданам и банкам, так и к европейским компаниям.

В различных санкционных списках США содержатся имена сотен российских граждан — это больше, чем на пике холодной войны. Из-за российского вмешательства в предвыборную кампанию в США Конгресс принял в прошлом году закон «О противодействии противникам США посредством (финансовых) санкций» (CAATSA), который ударил, в частности, по близкому к власти олигарху Олегу Дерипаске, контролировавшему алюминевый холдинг En+.

Акции холдинга за считанные дни упали наполовину. После того как Дерипаска передал часть акций холдинга российскому банку ВТБ, который сам тоже находится под санкциями США, Трамп фактически отменил санкции против него.

В Конгрессе на рассмотрении находятся еще два санкционных пакета — «О защите выборов от угроз посредством определения красных линий» (DETER) и «О защите безопасности США от агрессии Кремля» (DASKAA), призванные оградить Америку от последствий «злонамеренной активности» России «по всему миру». Соответствующие санкции станут тем, чем они НЕ должны быть: оружием в односторонней экономической войне.

Конечно, такие страны, как Великобритания, а также Кипр и Мальта (члены ЕС), могли бы последовательнее действовать в отношении тех путинских миллиардеров, которые, невзирая на все заверения в патристической лояльности, хотя перестраховались на Западе и получают все эти «золотые визы». Лондон — это центр по отмыванию денег на высшем уровне — таков результат одного расследования британского парламента.

Санкции цементируют единство и сплоченность, служат перестраховкой для тех, кто их вводит. История санкций против России в последние пять лет показывает: Евро-

пу не так-то легко расколоть, хотя ряд стран (Великобритания, Кипр, Мальта) мог бы действовать более последовательно.

В идеале санкции могут привести к торжеству «силы права», а не «права силы». Вопрос о наличии более удачных вариантов должен стоять всегда. Но при всем несовершенстве порой санкции оказываются единственной альтернативой эскалации.

Избегать голов в свои ворота

Йоахим Файффер

Отношение Германии и Европы к России в последние годы стало сложным, уровень недоверия возрос. Тем не менее изображать Россию в образе врага западного мира мне представляется неправильным и опасным. Даже если Россия существенно отдалась от Запада, у нас сохраняется исконный интерес в стабильных и корпоративных отношениях.

С такими глобальными вызовами, как изменение климата и терроризм, конфликт на Ближнем Востоке и война в Сирии, невозможно справиться без России. Российская Федерация — постоянный член Совета Безопасности ООН, а ее вооруженные силы располагают одним из крупнейших ядерных арсеналов в мире. Наконец, Россия еще долго будет играть важную роль в мировой экономике в силу своего сырьевого и энергетического богатства.

Международное сообщество не должно допустить обрыва нити диалога с Путиным — напротив, его следует искать и углублять

В последние годы Запад отвечал на российскую политику, в частности, в отношении Украины жесткими экономическими мерами и вводил масштабные санкции. Но в долгосрочной перспективе после каждой провокации извлекать из ножен новые санкции мне представляется нецелесообразным — не в последнюю очередь потому, что их действие успешно ослабнуть.

Россия в значительной мере адаптировалась к санкционному режиму ЕС — новые скоростные санкции сегодня для Москвы оказываются менее болезненными, чем для западной экономики. Если в 2014 году на-

считывалось 6,3 тыс. немецких компаний, зарегистрированных в России, то сегодня, по данным Российско-Германской внешне-торговой палаты, их менее 4,9 тыс.

Из крупных экономических и политических игроков от санкций больше всего пострадала Германия. Только незаключение новых сделок с Россией в краткосрочной перспективе чревато для немецкой экономики потерями в несколько сотен миллиардов евро. Вместе с тем образующиеся ниши заполняют компании из других стран, в том числе европейских, но менее серьезно ориентированных на соблюдение санкционного режима.

Перед ЕС и Германией встает вопрос: как впредь обходиться с Россией? «Перезапуск» Восточной политики времен холодной войны не может служить ответом хотя бы уже потому, что сегодня появился новый глобальный игрок — КНР, а США заняты переосмыслением своей роли на международной арене.

Итак, Германия и ЕС должны договориться о выработке нового курса в отношении Кремля, ориентированного на наши, европейские интересы. Им может стать двойная стратегия: там, где необходимо, следует четко проводить черту. А везде, где возможно, не только поддерживать диалог, но и развивать новые проекты сотрудничества.

Аннексией Крыма и блокадой Азовского моря Путин продемонстрировал готовность открыто попирает нормы международного права. В таких случаях Запад должен проявлять твердость и доводить до понимания Кремля фундаментальную значимость границ как принципа построения международного порядка, при необходимости даже военными средствами. Так, например, корабли НАТО могли бы обеспечивать доступ в Азовское море международным судам — предпосылкой для этого является совместный и мощный ответ ЕС и НАТО.

В то же время международное сообщество не должно допускать обрыва нити диалога с Путиным — напротив, его следует искать и углублять. И здесь будут нелишними критическое осмысление собственных действий в последние годы и больше желания услышать российскую сторону. Ведь для отношений всегда нужны двое.

Наконец, существенное значение могут иметь такие совместные проекты, как «Северный поток-2». Они не позволят взорвать мосты диалога, столь важные сегодня. Кроме того, новый газопровод способствует диверсификации маршрутов поставок энергоносителей в Европу и повысит ликвидность европейского рынка. Так что он полезен еще и по существу.

Если мы заинтересованы в нахождении устойчивых решений для кризисов по всему миру, а также в сохранении безопасности и стабильности в Европе, конструктивные и кооперативные отношения с Россией безальтернативны. Да, они должны идти в тандеме с решимостью и волей Запада отражать атаки на либеральный, свободный ценностный порядок. В то же время экономические, научные, культурные или иные общественные проекты сотрудничества с Россией нужно не исключать, а, напротив, реализовывать и продвигать.

ВЛАСТЬ

Враги и союзники

Партии «большой немецкой правящей коалиции» оказались в ловушке между прошлым и будущим. Для «Д» Лутц Лихтенбергер о том, как их поглотили внутренние противоречия.

Лутц Лихтенбергер

Нынешнее правительство Федеративной Республики вот уже в третий раз за четыре выборных периода было сформировано так называемой большой коалицией. «Большой» — потому что в нее входят две крупнейшие политические силы: буржуазно-консервативные христианские демократы и социалисты (Союз ХДС/ХСС, с одной стороны, и социал-демократы (СПДГ) — с другой. Им приходится сотрудничать в Кабинете министров и в Бундестаге под началом канцлера Ангелы Меркель, не забывая при этом о следующей предвыборной кампании, до которой остается от силы два года.

В последние недели во всех трех партиях правящей коалиции происходили динамичные перемены. На лидирующие роли пришли новые люди, которые сейчас пытаются закрепиться и обозначить свои позиции.

Представители христианских партий и социал-демократов при открытом занавесе выясняют отношения больше с самими собой, чем с лагерем политических противников. Предметом такого выяснения оказываются разногласия прошлого в связи с решениями по беженцам (в Союзе ХДС/ХСС) и с социальной политикой (в СПДГ). Эти важнейшие внутриполитические вопросы стали для обеих сил определяющими в плане собственной идентичности.

В декабре Аннегрет Крамп-Карренбауэр была избрана председателем ХДС взамен Ангелы Меркель, занимавшей эту должность долгие 19 лет. В политической системе Германии глава партии — это чрезвычайно важная фигура. Крамп-Карренбауэр одержала верх над двумя более консервативными соперниками — Фридрихом Мерцем и Йенсом Шпаном. При обычных обстоятельствах ее право стать следующим кандидатом в канцлеры от СПДГ уже сейчас никто бы не подвергал сомнению.

Однако перевес оказался весьма незначительным. АКК, как обычно сокращают имя Аннегрет Крамп-Карренбауэр, получила 51,8% голосов. Фридрих Мерц, долгие годы слышавший «ближайшим врагом» канцлера Меркель, набрал 48,2%. Его сторонники не спешат признавать окончательное поражение, ведь летом АКК еще предстоит показать

Хотя Фридрих Мерц и Аннегрет Крамп-Карренбауэр соратники по руководству ХДС, смотрят они очевидно в разные стороны

себя на выборах в Европарламент, а в следующие два года — в целый ряд ландтагов восточногерманских земель, где правонационалистическая «Альтернатива для Германии» (АДГ) может продемонстрировать впечатляющие результаты.

Сторонники Мерца призывают к окончательному разрыву с политикой Меркель в отношении беженцев. Одна из причин — надежда вернуть партии голоса тех избирателей, которые ушли к АДГ. На партийном конгрессе в феврале новый председатель ХДС Крамп-Карренбауэр произнесла слова, которых ждала консервативная половина партийцев: «Мы должны предпринять все усилия, чтобы ситуация 2015 года не повторилась». Действия Гер-

мания должны быть «гуманными и последовательными». Никто не предлагает аннулировать право на убежище, но «мы не та страна, где можно творить что угодно».

Будучи премьер-министром земли Саар, Крамп-Карренбауэр правила когда консервативно, а когда либерально, но всегда прагматично. Пока что она сохраняет политическое благоразумие и держится линии, которая, похоже, образует консенсус в лагере ХДС/ХСС: собственно проблемой она называет не гуманитарное решение о приеме сотен тысяч военных беженцев осенью 2015 года, а последующую «завывающую» политику, активную и настойчивую.

Пребывание Меркель на высоком посту подходит к концу. Признаки износа после 14 лет канцлерства не замечать невозможно, и тем не менее она остается самым популярным политиком в стране. Неизменно спокойные, деловые, лишённые тщесла-

вия манеры дают ей поддержку пусть незначительного, но большинства. Задача АКК — обеспечить единство двух флангов партии, разделяемых не столько истинно политическими разногласиями, сколько символической, эмоциональной и исторической оценкой личности Меркель и событий 2015 года. При этом АКК нужно не только добиться сплоченности, но и сделать так, чтобы со временем именно она стала официальным кандидатом в канцлеры. Это обеспечит ей очень хорошие шансы стать преемницей Меркель.

Партнер ХДС/ХСС по коалиции тоже занят прежде всего собой и своим прошлым. «Матерью всех проблем» в СПДГ считают споры о реформе системы социальной защиты, известной как «Повестка-2010» и запущенной в 2003 году в канцлерство Шрёдера. В последующие 16 лет СПДГ терпела поражение за поражением. Если в 2002 году она пользовалась поддержкой 38% изби-

рателей, то в 2017 году на выборах в Бундестаг партия получила всего 20,5% голосов.

Андреа Налес, возглавившая СПДГ около года назад, рассчитывает, что решительный левый поворот повысит привлекательность партии в глазах традиционного электората: нижних слоев среднего класса, рабочих и офисных сотрудников. В последние недели социал-демократы приняли целый ряд решений, которые относятся не столько к правительственной программе до 2021 года (ХДС/ХСС их все равно не поддержат), сколько к программе предвыборной: продление срока выплат пособия по безработице, смягчение санкций для излишне разборчивых «клиентов» биржи труда, расширение возможностей повысить квалификацию и сменить профессию на более ранних этапах, право (дистанционно) работать из «домашнего офиса», «право на офлайн», повышение минимальной пенсии и (с €9,19 до €12 в час) минимальной оплаты труда. Налес, первая женщина во главе СПДГ, хочет также стать первой женщиной — кандидатом от партии в федеральные канцлеры. Как и в случае с Крамп-Карренбауэр, едва ли кто-либо сможет ей помешать, даже если недругов у Налес хватает. Так, Герхард Шрёдер, которому Германия обязана «Повесткой-2010», в интервью журналу Der Spiegel усомнился в способности Налес претендовать на эту роль — дескать, для этого необходима компетентность в экономических вопросах. Он допускает, что Налес достаточно компетентна? «Думаю, даже она сама не стала бы такое про себя утверждать». Это оскорбление, и достаточно низкое.

В свою очередь, Шрёдер ввел в игру министра финансов Олафа Шольца, компетентного, но не слишком харизматичного политика. Вероятно, своего часа дожидается «на скамье запасных» и бывший министр иностранных дел Зигмар Габриэль, прошлой весной отправленный на запасной путь стараниями Налес и Шольца — соответствующий маневр был осуществлен в духе американского сериала «Карточный домик». Габриэль считает, что СПДГ нужно воздержаться от дальнейшей дискуссии на тему политики идентичности, мало интересующей простых рабочих. 59-летний политик хочет вернуться в игру, и пока рейтинг СПДГ остается беспрецедентно низким, талантливого оратора и энергичного друга Шрёдера рано списывать со счетов.

Несмотря на внутренние дискуссии в Союзе ХДС/ХСС и СПДГ, коалиция сохраняет стабильность, поскольку каждая из партий занята внутренними дрязгами. Тем не менее соответствующие стычки вполне можно считать предюдией к будущей предвыборной кампании. Не исключено, что в штаб-квартирах партий дожидаются удачного момента для выхода из коалиции и объявления досрочных выборов. Если это произойдет, политическая лодка будет перетасована заново.

ПАРТИИ

Вовлечь Россию, несмотря ни на что

Стабильный мир в Европе возможен, только если строить его не в пику Москве, а с ее участием — эта позиция объединяет в Германии многих левых. Заместители руководителя фракции СПДГ в Бундестаге Ральф Мютцених и Ахим Пост объясняют эту позицию для «Д».

Ральф Мютцених

Ахим Пост

Всякий раз, когда социал-демократы в Германии ратуют за новые политинициативы по России, заинтересованная сторона, как правило, навешивает на нас ярлык «наивных понимальщиков» Кремля. Так что сразу оговорюсь: да, российское государство нарушило международное право и, очевидно, пытается дестабилизировать демократии Запада. К тому же есть вероятность, что оно попытается влиять на результаты выборов и референдумов. Проблемы с демократией опять-таки очевидны: положение с правами человека неприемлемо. Ситуацию не облегчает и то, что в Белом доме уже два года правит бросающийся твитами, непредсказуемый президент, который не останавливается ни перед распространением фейковых новостей, ни перед конфронтацией и эскалацией.

Но что из этого следует? Как нам вести себя при столь запутанных исходных условиях? Мы убеждены: с учетом проблематичности и нарастающей опасности европейской ситуации есть все причины задуматься над снижением напряженности, чтобы происходящее хотя бы не вышло из-под контроля.

Аннулирование соглашения по ядерной программе Ирана, предлагаемый выход из Договора о РСМД и, возможно, непродление нового договора по стратегическим наступательным вооружениям (СНВ-III), истекающего в 2021 году и сдерживающего наращивание стратегического арсенала государств-участников, — все это чревато полным коллапсом международной архитектуры контроля над вооружениями с непредсказуемыми последствиями для безопасности на планете. На кону ни много ни мало международный порядок, который зиждется на согласованных правилах. Мир стоит на пороге новой ядерной гонки вооружений и волюнтаристских действий многочисленных союзников в рамках национальных государств.

Поэтому министр иностранных дел ФРГ Хайко Маас ведет переговоры в Москве и Вашингтоне, чтобы найти пути для отхода от логики поэтапной эскалации, и призывает к сохранению Договора о РСМД и режима международного контроля над вооружениями. Со стороны легко от-

Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы период после холодной войны не стал периодом между двумя холодными войнами

пускать банальные комментарии и критические замечания, но их авторам стоит подумать о возможных альтернативах и их политических последствиях. Как быть: безучастно-безмолвно брести вслед за Трампом и Путиным к новой холодной войне или попытаться сделать все возможное, чтобы ее предотвратить, несмотря на препятствия и неопределенность? Подливать масла в огонь или остановить спираль взаимных обвинений, стереотипов и мыслительных запретов?

Мы убеждены: на смену черной доске картины мира должна прийти политика, предлагающая новые инициативы и форматы для снятия блокировок и поиска выходов из тупика. Ее отправная точка — принятие и трезвый анализ статус-кво с прицелом на его преодоление за счет прагматической политики малых шагов. Восточная политика и разрядка авторства Эгона Бара и Вилли Брандта в 1960-е и 1970-е годы преследовали именно такую цель.

Тогда это увенчалось успехом. И сегодня внешней политике Германии и ЕС необходим долгосрочно ориентированный, ясный и вместе с тем прагматичный курс на контроль над вооружениями, разоружение и разрядку.

В силу разных причин мы заинтересованы в сотрудничестве с Россией, равно как и Россия — в сотрудничестве с нами. Китай очень хорошо знает болевые точки российской экономики и кланово используют их ради максимально выгодных условий доступа на российский рынок. Понимание этого способствовало бы заметному протрезвлению в Москве. Поиск общих интересов — шаг правильный и неизбежный.

Слышит ли своих коллег по партии социал-демократов министр иностранных дел Хейко Маас — это большой вопрос

Но он возможен только вместе с нашими партнерами по ЕС. Федеративной Республике и Евросоюзу необходимо сохранять равнение на кооперативный мультilaterализм, а не унитаризм с характерным для него эгоцентризмом. Вовлечь трудных партнеров в поиск многосторонних решений есть не беспринципность, но понимание реальных возможностей, а также признание того, что одним давлением заставить кого-либо изменить свое поведение не удастся.

Посредством умной дипломатии внешняя политика Германии и ЕС должна способствовать тому, чтобы две крупные ядерные державы, США и РФ, преодолели опасное состояние афазии. Однако мы не строим иллюзий, что Москва в одностороннем порядке примет участие в реализации своего внутреннего и внешнеполитического курса.

Да, мультilaterализм как принцип сегодня испытывает колоссальное давление даже внутри ЕС. Поэтому так важно вернуться к более эф-

фективному использованию существующих институтов, реформировать и наполнить их новой жизнью, аналогично тому, как германо-французская дружба недавно получила дополнительную опору в виде нового Аахенского договора.

Несмотря на все проблемы и разочарования, в трудные времена тем более не подобает ослаблять усилия и терять курс. Если бы Рейган и Горбачев при куда менее благоприятных исходных обстоятельствах стали отчаиваться, никакого Договора о РСМД в 1987 году не было бы подписано.

Почему бы Западу не подловить Москву на слове и не начать налаживать новые связи и контакты с институтами, доминирующую роль в которых играет Россия, такими как Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Организация Договора коллективной безопасности (ОДКБ)? Одно из преимуществ такого решения заключается в возможности «регионализировать» конфликты интересов, после чего друг другу будут противопоставляться уже не Россия и Запад, а ЕС и ЕАЭС (Россия, Белоруссия, Казахстан, Армения и Киргизия) или — под крышей ОБСЕ — НАТО и ОДКБ

(Армения, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Белоруссия и Россия). Кроме того, оно стало бы шагом навстречу российской потребности в «разговоре на равных». Наконец, те, кому бы не использовать активнее те возможности, которые дает формат Совета Россия — НАТО, а также ОБСЕ?

Однако необходимые для этого предложения по сотрудничеству в адрес России не должны выливаться в то, что Запад смирится с новой политикой сфер влияния в Европе и выбросит собственные принципы за борт. Нарушение границ и запрет на применение силы как основа международного права и гарантия мира на европейском континенте — это не предмет торга.

Тем не менее мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы период после холодной войны не стал для историков исключительно периодом между двумя холодными войнами. Нельзя, чтобы Германия и Европа снова превратились в театр военных маневров, будь то ядерных или обычных. Умная внешняя политика не может ждать, пока демократия установится повсеместно — больше всего она востребована именно в отношении инакомыслящих.

АНАЛОГИИ

Крепкие объятия — лучшее средство от войны

Несмотря на рост евроскептицизма и «Брексит», Европа продолжает объединяться. Северная Македония может стать 29-м государством ЕС. О том, почему наша страна всегда реагировала на это объединение с недоверием, рассуждает **Леонид Млечин**.

Леонид Млечин

Француз Жан Монне начинал в семейном бизнесе: торговал коньяком. В юности он хотел быть боксером, потом — дипломатом. После Первой мировой работал заместителем генерального секретаря Лиги наций, которую замыслили как механизм международной коллективной безопасности. Это была предшественница ООН, но с меньшими правами и полномочиями. 10-я статья устава предусматривала оказание коллективной военной помощи стране, ставшей жертвой агрессии.

Лига наций приступила к работе в январе 1920 года в Женеве. Ассамблея, когда собирались все страны-участницы, проходила в сентябре. В промежутках работали Совет Лиги наций и генеральный секретарь. В совет входили четыре постоянных члена — Англия, Франция, Италия и Япония — и четыре непостоянных, их выбирала ассамблея.

Презрение к международным договорам уже тогда было заметно в советской внешней политике. В узком кругу первый глава советского правительства Владимир Ленин пренебрежительно заметил:

— Что такое Лига наций? Она плевать не стоит.

На переговорах с советскими дипломатами британские сослались на позицию Лиги наций. Москва ответила пренебрежительно: «Советскому правительству так называемая Лига наций никогда не сообщала о своем конституировании и существовании, и советское правительство никогда не имело случая принимать постановления о признании или непризнании им этого сообщества».

В 1934 году СССР все-таки вступил в Лигу наций и получил право на постоянное место в совете. К этому времени стало ясно, что решение крупных проблем оказалось Лиге наций не под силу. Она не смогла остановить японскую агрессию против Китая и итальянскую — против Эфиопии. Нацистская Германия демонстративно вышла из Лиги. Советский Союз в декабре 1939 года исключили за войну против Финляндии.

Пан-Европа

Идея прочного европейского союза возникла сразу после Первой мировой. Но национализм погубил тогда эту идею.

Австрийский граф Рихард Николаус фон Куденхове-Калерги в 1923 году опубликовал книгу «Пан-Европа» — манифест современной европейской идеи. Он основал Панъвропейский союз. Его поддерживали выдающиеся интеллектуалы Альберт Эйнштейн, Зигмунд Фрейд, Томас Манн, а также политики — француз Аристид Бриан и немец Конрад Аденауэр.

Министр иностранных дел Франции Аристид Бриан выдвинул идею европейской федерации в сентябре 1929 года, за десять лет до Второй мировой. Министр иностранных дел Германии Густав Штретземан предложил единую европейскую валюту. Но Штретземан скоропостижно скончался. Начался экономический кризис, который похоронил под собой и эту идею. А после 1945 года правительства европейских стран неожиданно осознали, что их безопасность и процветание зависят от решений, принимаемых где-то далеко.

Главный мотив интеграции Старого Света — желание избежать войны. Ради этого европейцы согласились, что важнейшие решения будут приниматься на международном, наднациональном уровне на основе совместно разработанных правовых норм.

План Шумана

Целое столетие причиной войн между Францией и Германией был Рурско-Рейнский регион с его залежами угля и железной руды, необходимых для военной промышленности. Жану Монне пришла в голову идея не конфликтовать из-за угля и стали, а создать совместный каргель. Вот, что покончит с враждой между Францией и Германией.

9 мая 1950 года канцлер ФРГ Конрад Аденауэр получил письмо от французского министра иностранных дел Робера Шумана. Министр предлагал создать Европейское объединение угля и стали из каменноугольной, железорудной и металлургической промышленности Франции и Германии. В тот же день французский министр изложил свою идею публично. Это стало первым шагом к созданию федерации европейских государств. 9 мая ныне отмечается как День Европы.

Основу сближения составляли перемены в общественном сознании. Германия рассматривалась во Франции как постоянная угроза. Но после второй войны все переменялось. В Париже задумались: стоит ли бояться Западной Германии, если опасность подстерегает с другой стороны? Вождь французских коммунистов Морис Торез обещал, что Красная армия «в один

1947 год. Выступает Жан Монне

Единственное, в чем нельзя было отказать Андрею Вышинскому (в центре), так это в эмоциональности

прекрасный день вступит на Елисейские Поля как армия освобождения». Сближение Западной Германии и Франции напрашивалось.

Роберт Шуман был идеальной фигурой для того, чтобы реализовать эту идею. Он появился на свет на границе Франции и Германии. Шуман был подданным кайзера и говорил по-немецки. После Первой мировой его родную Лотарингию передали Франции, он стал французским гражданином и представлял в Национальном собрании родной регион. Он персонифицировал возможность франко-германского объединения.

Как выразился американский посол, Вышинский издавал «воплé подозрительной, скрытной России против воображаемой враждебности внешнего мира»

Французский министр объяснил государственному секретарю США Дину Ачесону, что Франция и Германия так крепко обнимут друг друга, что внезапный удар станет невозможным. Всякая война начинается с увеличения добычи угля и железной руды. Общий орган управления помешает тайному перевооружению одной из стран.

Из Объединения угля и стали со временем появится Европейский союз.

Ораторский талант Вышинского

В Москве не оценили историческое значение процесса объединения Европы. Министры иностранных дел социалистических государств заявили, что цель Объединения угля и стали — восстановить военно-промышленный потенциал Западной Германии «в целях подготовки новой войны в Европе и приспособления западногерманской экономики к планам англо-американского военного блока»...

В Москве рассчитывали на усиление противоречий между империалистическими державами. Советской дипломатией с марта 1949 года руководил Андрей Вышинский, презираемый и проклинаемый едва ли не всеми, кто его знал. Союзный прокурор, он провел самые отвратительные московские процессы 1930-х годов.

Почему Сталин сделал его министром иностранных дел? Холодная война была в разгаре, а Вышинский и был оружием холодной войны. Возможно, вождь исходил из того, что период серьезных переговоров закончился. Не договориться надо было, а обругать. Тут Вышинскому не было равных. Он просто ругался:

— Прожженные жулики, мерзкие твари, проходимцы, бандиты, наглецы, презренные авантюристы!..

Вышинский превратил ООН из площадки компромисса в трибуну для конфронтации и ругани. Он запросто мог сказать, указывая пальцем на какого-нибудь министра иностранных дел:

— Вот он, поджигатель войны! На Вышинского не обижались. За жгетельмена его никто и не считал. Он был своего рода достопримечательностью, как бы теперь сказали, первоклассным шоуменом.

Он устраивал представления. Как выразился американский посол в Москве Джордж Кеннан, Вышинский издавал «воплé подозрительной, скрытной России против воображаемой враждебности внешнего мира».

Вышинский знал, что у него есть постоянный поклонник, которому нравилась такая ругань. Ради него Андрей Январевич и ораторствовал. Вышинский был невероятно беспринципным. Однажды что-то спутал и стал излагать американскую точку зрения. Перепуганные помощники написали ему записку: «Андрей Январевич, вы излагаете западную позицию, наша другая». Он прочитал записку, но продолжал говорить как ни в чем не бывало. Потом остановился, побагровел и закричал:

— Это позиция врагов мира и поджигателей войны, а наша позиция противоположная.

И принялся излагать нечто прямо противоположное тому, что с таким жаром только что доказывал.

Почему англичане ослепли в стороне

Вхождение в Европейское сообщество требовало энергии и готовности к риску, на что британские лидеры не были тогда способны. К тому же они все еще ощущали себя представителями великой державы, поэтому и отказались от идеи европейской экономической интеграции.

Зато эту идею поддержал Париж. Перед французскими политиками стоял такой выбор: или сильный атлантический союз, в котором доминируют Соединенные Штаты, или сильная Европа, где Франция сможет играть ведущую роль.

18 апреля 1951 года в Париже образовалась Европейское объединение угля и ста-

ли. В него вошли Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург. Соглашение было подписано в здании Министерства иностранных дел Франции на Кв д'Орсе.

Англия отказалась участвовать. Это была самая большая ошибка британской политики после войны. Новый министр иностранных дел Герберт Моррисон изрек:

— Это плохая идея. Мы не станем в этом участвовать. Наши шахтеры этого не примут. Единая Европа формировалась без англичан.

«Британия не верит, что Франция и другие европейские страны смогут и захотят противостоятъ возможному советскому нападению», — считал Жан Монне, архитектор европейского объединения. — Англия считает, что в этой войне континентальная Европа будет оккупирована. А вот Англия с помощью Америки сможет выстоять. Вот почему она не хочет, чтобы ее политика определялась Европой».

В 1973 году Англия одновременно с Ирландией и Данией все-таки вступила в Общий рынок. Но себя не переделалась! В 2017 году англичане пришли к выводу, что на обиду им лучше, и пожелали покинуть Европейский союз.

Золушка на балу

Европейское объединение угля и стали многих пугало: да разве можно передать национальную индустрию под управление наднациональных структур? Но именно эта идея — выйти за рамки государственных границ и объединить экономику всей Западной Европы — оказалась фантастически плодотворной. Единая Европа превратилась в гигантский экономический механизм, который задает немыслимые для других темпы развития, высокие стандарты товаров и услуг и завидный уровень жизни.

Экономический союз дополнился военным.

В марте 1948 года Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Англия и Франция подписали Брюссельский договор об экономическом, социальном и культурном сотрудничестве и о коллективной обороне. К первой пятёрке присоединились еще пять европейских стран — Дания, Исландия, Италия, Норвегия и Португалия. Но для реальной обороны европейцам не хватало Америки.

В результате войны произошел гигантский сдвиг в перераспределении мощи. Появились супердержавы — Советский Союз и Соединенные Штаты. Ни одной великой европейской державы не осталось.

Послевоенная Европа жила в страхе перед советскими танками. Министр иностранных дел Франции Жорж Бидо с обидой сказал американскому послу:

— Мы тут сидим под дулами винтовок, а ваши люди по ту сторону океана.

70 лет назад, 4 апреля 1949 года, десять европейских государств, а также Соединенные Штаты и Канада подписали Вашингтонский договор о создании Североатлантического договора. Статьи 5 и 6 устава НАТО говорили о том, что нападение на одно государство, входящее в союз, будет рассматриваться как нападение на все государства.

Больше всех созданию НАТО противился Сенат Соединенных Штатов, потому что Североатлантический договор предполагал размещение четырех американских дивизий на европейском континенте, а американцы больше не хотели посылать свои войска за океан и защищать другие страны...

Появление НАТО было воспринято в Москве как исключительно враждебный шаг.

В Советском Союзе такой же враждебной, как и НАТО, структурой считался и Общий рынок, который вскоре станет Европейским союзом. В Москве пребывали в уверенности, что в НАТО и ЕС все решают Соединенные Штаты, вот с американцами и надо иметь дело.

Европейский союз вообще всерьез не воспринимали. Ошибочность такой линии признавали немногие. Но она стала очевидной на сломе эпох.

— Вокруг нас страны, с которыми масса неурегулированных проблем, — говорил Александр Бессмертный, который стал министром иностранных дел в 1991 году. — А мы через них перепрыгиваем. Пытаемся помешать расширению НАТО, наши дипломаты вели переговоры с Америкой, с Западной Европой, с кем угодно, только не с самими восточноевропейскими странами. Наломали столько дров... Здесь виноваты все поколения советской дипломатии. Взгляд на Восточную Европу был чисто идеологический, а не прагматический.

Когда недавние союзники по Организации Варшавского договора попросились в НАТО и Европейский союз, это стало неприятным сюрпризом для Москвы. Но восточные европейцы мечтали попасть в НАТО и ЕС, как Золушка — на бал. Считали, что НАТО — это тот самый клуб, в который если они попадут, то там своего принца и встретят. Встретили ли? Это большой вопрос.

Расширение НАТО и ЕС — самое важное событие после распада Советского Союза. Стратегические последствия будут ощущаться долгие десятилетия. Расширение НАТО для российских политиков — самая большая угроза. Как они считают, это и есть попытка отрезать, изолировать Россию. Но, по сути, континент в значительно большей степени разделен границами Европейского союза, а не Североатлантического блока. Главной границей как внутри Европы, так и для ее соседей, конечно же, пока остаются границы качества жизни.

КОНФЛИКТ

Новая линия фронта

Все больше комментаторов в Европе связывают ноябрьские события в Керченском проливе с выборами украинского президента. **Анн-Дорит Бой**, ранее освещавшая ситуацию на Украине для немецкой Frankfurter Allgemeine Zeitung и швейцарской Neue Zürcher Zeitung, дает оценку этого инцидента для «Д».

Анн-Дорит Бой

Впервые десять месяцев 2018 года война на востоке Украины как бы томила на слабом огне, не давая особых поводов для громких заголовков на Западе. Обе стороны регулярно нарушали минский режим прекращения огня, вдоль восточнороссийской линии фронта гибли мирные жители и участники противостояния, однако до серьезной эскалации дело не доходило. Ситуация переменялась 25 ноября, когда российские сторожевые катера береговой охраны атаковали и арестовали украинские катера. Инцидент явился первым непосредственным столкновением российских и украинских сил после начала кризиса в 2014 году.

Нужно заметить, что совместное использование Керченского пролива закреплено договором от 2003 года. Но, похоже, после аннексии Крыма Россия считает пролив своими национальными водами и ограничивает навигацию из восточных портов Украины в Черное море. Береговая охрана, входящая в состав пограничной службы ФСБ, после открытия моста начала контролировать украинские торговые суда и тем самым препятствует работе портов Мариуполя и Бердянска, через которые еще с советских времен экспортируется уголь из Донбасса.

Инцидент в начале ноября стал новым пиком напряженности. Расследование на независимой интернет-платформе Bellingcat подтвердило утверждения украинской стороны, будто катера на момент нападения находились в международных водах. По вопросу о том, проинформировали ли Киев российских пограничников заранее о планируемом прохождении катеров через Керченский пролив, имеются лишь заявления сторон, опровергающие друг друга.

В летние месяцы, еще до инцидента, Россия, по некоторым сообщениям, довела свое военное присутствие в Азовском море до 40 кораблей. В сентябре украинское правительство отреагировало заявлением

После ноябрьских событий в Керченском проливе военные присутствуют на всех судах, заходящих в Мариуполь — главный украинский порт на Азовском море

о намерении создать в Бердянке новую военно-морскую базу для «отражения российской агрессии в регионе». Планы амбициозные, учитывая, что украинские военно-морские силы находятся не в лучшей кондиции и пока не получили особой поддержки от партнеров на Западе.

Как и ожидалось, российские СМИ и военные эксперты раскри-

тиковали украинское заявление как провокацию и предупредили, что Киев может пригласить в Азовское и Черное моря, обладающие большой важностью для российского военного флота, ВМС стран НАТО. В таком контексте нападение на украинские военные катера можно интерпретировать как предупредительный выстрел Москвы, дабы

удержать украинское руководство от создания базы в Бердянке.

Президент Путин возложил ответственность за происшедшее на украинского президента Порошенко, якобы устроившего провокацию, приведшую к инциденту, с тем чтобы в преддверии выборов повысить свой рейтинг. Пока в Киеве у власти будет оставаться действующее

руководство, война на Украине не закончится, подчеркивают в Москве.

На самом деле украинский президент не сможет положить конец нынешнему конфликту, если только Россия не сделает первый шаг. Однако до сих пор Путин не предпринял ни одной убедительной попытки остановить бои. Похоже, нестабильность и хаос на Украине больше отвечают интересам российских властей, чем мир.

Президент Порошенко, на которого после проевропейской революции на Майдане возлагались большие надежды, во многом лишился поддержки в своей стране, поскольку оттягивает важные реформы в контексте борьбы с коррупцией и поддерживает жизнь в старой олигархической системе. Нет сомнений, что у Порошенко больше шансов остаться на своем посту, пока продолжается война. Его решение о введении военного положения сроком на один месяц в качестве реак-

ции на инцидент в Черном море в стране резко раскритиковали как пиар-ход, кроме того, оно подлило масла в огонь российской риторики.

Но и вмешательство Кремля не увеличивает вероятность того, что выборы на Украине выиграет кандидат, дружелюбно настроенный по отношению к России. Большинство украинцев хотят максимальной независимости от России. Появление собственной православной церкви Украины президент Порошенко прокомментировал так: «Разорваны последние пути, которые связывали нас с Россией». Этот шаг может помочь ему вернуть поддержку какого-то количества избирателей.

Российские действия в Керченском проливе показывают, насколько мало Путин тревожится по поводу возможного сильного ответа со стороны Запада. Первой реакцией США и ЕС стало исключительное выражение озабоченности. Позднее Вашингтон объявил о символической сумме в \$10 млн, призванной дополнительно повысить боеспособность украинских ВМС. Германия и Франция настаивали на расширении наблюдательной миссии ОБСЕ на Керченский пролив, однако Россия такой план отвергла. Остается неясным, смогут ли Берлин и Париж направить туда хотя бы собственных наблюдателей. Россия и Украина должны договориться о конкретных условиях такой миссии.

Ноябрьский инцидент также вернул к жизни на Украине и более старые теории о планах российского вторжения вдоль побережья Азовского моря с целью создать сухопутный коридор в Крым. Вообще говоря, с открытием моста через Керченский пролив такая версия кажется совсем устаревшей. Однако полностью исключить эскалацию конфликта невозможно. Маловероятно тем не менее, что российское руководство предпримет попытку дальнейшей эскалации до президентских выборов на Украине, ведь иначе украинцам придется продемонстрировать поддержку своего действующего президента.

ДОСЬЕ «Д»

ПОЗИЦИЯ РОССИЙСКОЙ СТОРОНЫ

Через три дня после событий в Керченском проливе на форуме «Россия зовет!» Владимир Путин назвал происшедшее провокацией, организованной действующей украинской властью, и в частности президентом Украины Петром Порошенко, в преддверии выборов. События, по мнению Путина, были «нечистоплотной игрой» внутри Украины и предлогом для введения военного положения в стране. Президент России напомнил, что в 2014 году из-за ситуации в Крыму никакого военного положения не вводилось, а сейчас оно введено «из-за пограничного инцидента, не более того». В результате происшедшего 25 ноября 2018 года ФСБ возбудила уголовное дело о нарушении госграницы. Как утверждает российская спецслужба, украинские корабли без предварительного уведомления прошли в территориальные воды России, не реагируя на требования остановиться и опасно маневрировали. Известно, что президент Путин на следующий день после случившегося обсуждал это событие в телефонном разговоре с канцлером ФРГ Ангелой Меркель.

СОТРУДНИЧЕСТВО

Bayepr прорастает в России

Нынешней весной Центр технологического трансфера (ЦТТ) ВШЭ начнет передачу семенного материала и технологий ускоренной селекции от немецкой компании Bayer российским исследователям. О перспективах этого процесса для «Д» рассказывает **Светлана Сухова**.

Светлана Сухова

Год назад химико-фармацевтический концерн Bayer объявил о поглощении американской агрохимической корпорации Monsanto. Сделки такого рода, приводящие к появлению на мировом рынке игрока номер один и серьезно меняющие расстановку сил, подлежат обязательному одобрению со стороны других стран, чем и воспользовалась Россия, потребовав за свой голос передать ей ряд агротехнологий. По словам главы ЦТТ ВШЭ Романа Куликова, «если бы Москва не признала сделку, шанса на то, что сделка не состоялась бы, возрастало существенно, а достаточно было трем странам высказаться против — Bayer и Monsanto не объединились бы. Пример же России мог оказаться заразительным». Bayer согласился.

«Российские ученые и селекционеры получат иностранный семенной материал с улучшенными генетическими свойствами по таким значимым для России сельхозкультурам, как кукуруза, соя, рапс и пшеница, а также доступ к технологиям ускоренной селекции (молекулярные средства селекции) по указанным выше и трем овощным культурам — томат, огурец и капуста», — пояснила глава проекта по технологическому трансферу компании Bayer Майя Драганова. Получатели материала и технологий смогут потом использовать их как для проведения собственных исследований и селекции, так и для коммерциализации полученных таким образом гибридов и сортов под собственным брендом.

По мнению доцента Сельхозакадемии им. К. А. Тимирязева Игоря Абакумова, специалисты Bayer могут с успехом демон-

Лидер в производстве лекарств выходит на поля. После объединения с компанией Monsanto немецкий Bayer намерен задавать тон в агротехнологиях

стрировать свои достижения коллегам из России — технической базы, чтобы все реализовать, в стране сегодня нет: «Это давняя проблема — с тиражированием разработок и ноу-хау. Все создается в лабораторных условиях в единичном экземпляре. А для тиражирования метода геномного редактирования требуются десятки стерильных лабораторий».

Российская власть пытается решить проблему модернизации селекции с 2011 года, приняв «Стратегию развития селекции и семеноводства основных сельхозкультур до 2020 года». Для ее реализации из бюджета опять же планировалось выделить 370,5 млрд руб. Но планам не суждено было сбыться. К проблеме вернулись в 2017-м, приняв новую программу развития сельского хозяйства на 2017–2025 годы. На сей раз порядок решили наводить по культурам, начав с са-

харной свеклы и картофеля. Средств обещано немало: на реализацию подпрограммы по сахарной свекле — 8,6 млрд руб., по картофелю — аж 11 млрд руб. Процесс уже пошел: для селекции картофеля создаются десять семеноводческих центров и еще четыре генетических. Но это лишь две культуры из полутора десятков. Остальным приходится ждать и что-то делать самим. Неудивительно, что сохраняется высокий уровень импортозависимости: 24,14 млрд из 50 млрд руб.

«В мире всего 5% новых сортов зерновых были получены с помощью биотехнологических методов»

отечественного рынка семян — импорт. По словам директора департамента Минсельхоза России Владимира Авдеенко, по семенам овощей импортозависимость доходит до 47%, по кормовым культурам — до 90%, в селекции и питомниководстве плодовых, ягодных и орехоплодных культур — до 70%. Так что освоение новейших технологий требуется как воздух. Bayer же обещает помочь не только с материалами и технологиями, но и с обучением исследователей.

«Трансфер технологий ограничен двумя годами, потом еще пара-тройка лет отводится на то, чтобы наши компании создали нечто свое на этой основе», — делится планами Роман Куликов. — Значимым событием будет являться создание образовательного центра, совместной программы, в организации которой Bayer поможет нам контентом и специалистами. Мы доукомплектуем ее российскими преподавателями и выучим для начала несколько десятков человек». Сейчас идет выбор площадки, где это будет происходить. Идея в том, чтобы создать передовую программу по молекулярной селекции, которая позволяла бы получать новые сорта и гибриды не за десяток лет, а за три-четыре года. Bayer будет также участвовать в создании учебно-научного центра биотехнологии растений. Упор будет сделан на четыре культуры — кукурузу, масличный рапс, сою и пшеницу.

Наличие в списке пшеницы вызвало у отечественных исследователей недоумение: именно по этой позиции российские селекционеры впереди планеты всей, кому в этом случае понадобились разработки от Bayer? Одни исследователи считают, что это на пользу делу (применить и в этой сфере новейшие технологии), другие убеждены, что происходящее — попытка западного концерна подобраться к святой святых. Так, по словам академика РАН Багратя Сандухадзе, «есть подозрения, что нынешний технологический обмен с Bayer завершится тем, что мы не выгадаем, а прогадаем и наши разработки по зерну окажутся на Западе, ведь сегодня удельный вес иностранных сортов озимой пшеницы в России со-

ставляет всего лишь 1% процент, а 99% — это отечественные разработки». К тому же новейшие технологии не везде дают одинаково хороший результат. По словам Сандухадзе, результаты исследования применения различных методов селекции за последние 40 лет свидетельствуют, что в мире всего 5% новых сортов зерновых были получены с помощью биотехнологических методов, а 95% — путем прямого скрещивания и отбора. «Ускорить процесс можно, но в разумных пределах. Во властных структурах се-

Bayepr обещает помочь не только с материалами и технологиями, но и с обучением исследователей

годня это мало кто понимает, иначе как объяснить вопрос одного чиновника, обращенный ко мне: зачем России новые сорта пшеницы, если у нее уже есть 1,4 тыс. сортов?» — убежден академик.

Есть еще одна проблема, когда речь заходит о перенесении западных технологий селекции на отечественную почву, — их правовая легализация. Как известно, Россия — территория, свободная от генно-модифицированного производства. Хотя не все ученые одобряют такой подход.

Но в отношении применения технологий геномного редактирования запрета пока нет. И российская наука эту технологию уже активно применяет сама. Минувшим летом в подмосковном Рогачеве росла генетически отредактированная картошка. А в ФИЦ «Институт цитологии и генетики СО РАН» вывели потомки первых отредактированных растений ячменя. Но все это единичные случаи. Трансфер технологии от Bayer позволит сделать движение массовым на уровне научных лабораторий. А дальше видно будет.

ЭКОЛОГИЯ

«Это не мусор, а ресурсы»

В рамках германо-российского экологического диалога недавно стартовал новый совместный проект, посвященный обращению с отходами в России. О том, как немецкий опыт будет применяться в начатой у нас «мусорной» реформе, рассказала в интервью «Д» глава представительства Немецкого общества по международному сотрудничеству ГмБХ в Москве **Юлия Грищенкова**.

**Юлия
Грищенкова**

— Сейчас часто звучит фраза «климатически нейтральное обращение с отходами». Не могли бы вы объяснить, что это такое?

— Это близко к немецкому «Klimafreudliches», дословно «дружественный к климату». Под этим словосочетанием понимаются современные экологически безопасные технологии и принципы организации хозяйственной деятельности в области обращения с отходами, которые сводят к нулю или хотя бы уменьшают негативное воздействие на окружающую среду и климат.

— Как возник проект?

— У него интересная история. Возник он довольно быстро: подготовили мы его за год. По поручению Германского агентства по охране окружающей среды мы проводили крупную международную конференцию. По ее итогам участники заявили нам: «Конференция — это хорошо. Только мы на ней поговорили и разошлись, а что же будет дальше? Нам бы хотелось, чтобы из этого выросло нечто большее». Тогда мы обобщили вопросы и потребности, которые высказывались российскими экспертами в ходе конференции, и отправили заявку в адрес Федерального министерства окружающей среды, охраны природы и ядерной безопасности Германии с предложением о реализации проекта. Одновременно это вызвало активный отклик и у нашего российского партнера — Министерства природных ресурсов

и экологии. В 2017 году на полях Петербургского международного экономического форума представители двух министерств подписали двусторонний меморандум со списком проектов для реализации, куда вошел и наш проект «Климатически нейтральное обращение с отходами в Российской Федерации».

— Что должно стать конечным итогом такого проекта?

— Немецкие методики и экспертиза в реализации реформы. Мы хотели бы обобщить и продемонстрировать немецкий опыт обращения с отходами. Мы намерены предоставить сторонам своего рода площадку для обсуждения немецкого опыта и российской практики.

В Германии, кстати, реформа началась 40 лет назад. Какие законодательные основы тогда закладывались у немцев? Как они меняются? При всей успешности немецкой реформы без ошибок не обошлось. Но, как часто бывает в жизни, чужие ошибки помогают нам избежать своих.

Второе: реализация проектов в пилотных регионах России. В силу того что наш проект достаточно ограничен временем и ресурсами, демонстрационные проекты должны быть точечными и очень конкретно сформулированными. В России, например, очень ждут модель взаимодействия федеральных, региональных и муниципальных властей, что очень развито в Германии. Там широко распространена практика, когда несколько муниципалитетов объединяются для совместного сбора, вывоза и переработки отходов.

— В России реформу, пожалуй, нужно начинать с привития населению культуры раздельного сбора отходов.

— Согласно. В свое время такое ноу-хау, как мусоропровод в многоэтажных домах, настолько избаловало советского, а впоследствии российского гражданина, что сегодня, по-

В Германии переработка мусора производится на высокотехнологичных предприятиях

жалуй, редко кому может прийти в голову спуститься со своего этажа, выйти на улицу и положить мусор в какой-то конкретный контейнер. Германии на реформу и привитие культуры раздельного сбора отходов понадобилось 40 лет. У нас мусоропроводы в многоэтажных домах появились примерно в 1960-е годы. Можно легко подсчитать, сколько с тех пор выросло поколений, привыкших к ним и не представляющих себе, зачем нести мусор куда-то. С другой стороны, я бы хотела напомнить о хорошем опыте, накопленном у нас во времена СССР. Я, будучи советским ребенком, хоро-

шо помню, как мы сдавали бутылки из-под кефира и молока, макулатуру, а взамен получали книжки. Практику возврата тары, думаю, на самом деле можно очень быстро вернуть, поскольку многие люди еще помнят такой опыт. В то же время надо понимать, что структура самих отходов по сравнению с прошлыми временами довольно сильно изменилась. Если раньше в деревнях практически все перерабатывалось в компост, то сегодня мы на каждом шагу имеем дело с пластиком и упаковкой. Последняя — отдельная тема. Нужно расширять ответственность производителей такой упаковки. Например, с января в Германии вступил в силу новый закон об упаковке. Мы изучим его, по-

смотрим, что полезного в нем можно почерпнуть для России.

— Успех Германии с раздельным сбором отходов наверняка обусловлен не только немецкой педантичностью и любовью к порядку, но и высокими штрафами...

— Вспомните, когда у нас в России вводились штрафы за непристегнутые ремни безопасности в авто, то все смеялись и говорили, что это не будет работать, однако же теперь все пристегиваются. В случае реформы в сфере обращения с отходами, думаю, ее успех будет во многом определяться экономическим фактором. Потребитель в России не привык платить за вывоз отходов, и его не волнует, что дальше будет с тем или иным видом отходов. А теперь ему

придется соблюдать правила, чтобы не платить штраф. При этом человека можно заинтересовать тем, что при раздельном сборе отходов он не будет платить так много, как за «сборную солянку».

— В проекте есть раздел, посвященный кадрам и образованию.

— Буквально на днях мы проведем в Москве научно-практическую конференцию об опыте Германии. В ней, надеюсь, примут участие все, кто задействован в цепочке сбора и переработки отходов.

— Насколько немецкий опыт переработки отходов применим в российской действительности? Этот вопрос, конечно же, существует в подтексте нашего разговора... Что-то уже можно внедрять в России?

— Я полагаю, что этот вопрос скорее стоит адресовать российской стороне. Что касается отрасли переработки, то немцы уже давно придерживаются такого принципа: отходы — это не мусор, а ресурсы. Если в России произойдет подобная перестройка в общественном мышлении, тогда будет все в порядке. Однако для этого нужно хотя бы что-то делать! Люди и без пропагандистских усилий начинают к проблеме как-то подходить. Никто не хочет жить рядом со свалкой, источающей смрадные запахи, или рядом со старомодным мусоросжигательным заводом, который не столько помогает экологии, сколько ее портит.

— Каковы финансовые параметры немецкого участия в реформе? Это бюджетные средства или деньги из иных источников?

— Мы не финансируем реформу как таковую. Наши консультационные услуги являются бесплатными для российских партнеров (федерального и регионального уровней), так как покрываются за счет средств, выделяемых из Международной инициативы по защите климата.

ПРИРОДА

Слоны в обмен на мамонтов

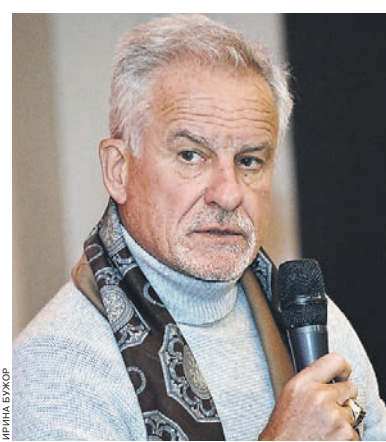
В российской политике, пожалуй, нет человека, следившего такой резкой зигзаг, как **Сергей Ястржембский**. Референт ЦК КПСС, журналист, «говорящая голова» МИДа, посол, пресс-секретарь Бориса Ельцина, вице-мэр Москвы, помощник Владимира Путина, а дальше — увлеченный режиссер и фотограф, создатель специализирующейся на съемках природы студии и вот, в прошлом году, организатор фонда Not ivory («ivory» — «слоновая кость»), задавшего целью сберечь африканских слонов. Чтобы задать несколько вопросов, **Виктор Лошак** поймал Сергея Ястржембского на пути в аэропорт (в прошлом году, например, у него было более 100 перелетов).

— Расскажите о вашем новом фонде. И вообще почему Африка? Почему слоны?

— Слоны у нас есть на двух континентах — в Африке и в Азии. В Африке их больше, и именно там происходит колоссальная трагедия. Каждые 15 минут убивают слона! 90–100 тыс. слонов в год истребляются браконьерами. Точнее сказать, истребляются. Благодаря мировому протесту, давлению сообщества главный потребитель слоновой кости Китай принял закон о запрете использования в своем традиционном косторезном промысле бивней слонов. Возможно, уже в прошлом году потребление слоновьих бивней в Китае снизилось на треть.

— Почему именно Китай?

— Китай волей-неволей заказчик всей этой браконьерской вакханалии. До недавнего времени 95% добытых слоновьих бивней оказывалось

тут. Древний промысел — косторезы. Из бивня мастера борами за несколько лет делают удивительные поделки. — Многие на эту тему вы уже рассказали в своем фильме «Африка: кровь и красота», получившем в номинации «Неигровое кино»

главный приз фестиваля «Золотой орел».

— Да, это так, но когда мы стали работать и в целом над этой темой, и над фильмом, стало очевидно, что ситуация не безвыходная: слонов могут сберечь мамонты! Россия — колоссальная кладовая этих гигантских животных, оказавшихся в вечной мерзлоте и благодаря этому сохранившихся. По некоторым подсчетам, у нас порядка полумиллиона тонн их бивней. За год Китаю поставлено порядка 40–60 тонн бивней. Пока, конечно, это еще не белый рынок, а скорее серый. Но главное, что сохранены жизни огромного количества слонов.

— Кроме пропаганды, фильмов и фото, общественного давления на политиков как еще ваш фонд может влиять на ситуацию?

— Мы начали проведение аукционов по продаже изделий искусства из бив-

ней именно мамонта. Деньги от этих покупок пошли на усиление охраны слонов — наем рейнджеров.

— Кто эти люди?

— Как правило, их нанимают либо собственно африканские государства, либо специальные природоохранные компании. Многие из них американские. На обучение рейнджеров тратятся и европейские деньги, в частности, ЕС. В охране природы Африки активны англичане, бельгийцы, голландцы... Среди рейнджеров есть и те, кто в прошлом сами были браконьерами. Вы видели интервью с ними в нашем фильме. Кроме всего прочего им надоело рисковать жизнью. В браконьеры людей гонит африканская жизнь — нищета.

— Где вы их снимали?

— Можно было во многих точках Африки. Наша съемка велась в Кении.

Африка — любимая фототема Сергея Ястржембского. О ней была его выставка, только-только закрывшаяся в Манеже. Ее организовали МАММ и компания «Регион». На фото: Эфиопская красавица из народности сурма. Мужчина из народности динка, Южный Судан. Соляные озера Намибии

ГРАЖДАНЕ

Страна на счетчике

Чтобы контролировать государство, немецкие налогоплательщики завели «Черную книгу». Зачем она и что такое «немецкая налоговая мораль»? Об этом **Виктор Агаев** из Берлина.

«Остановить трюки с налогами!» — этот лозунг в свой адрес могут услышать в Германии и власть, и частная компания, как Apple на этой демонстрации во Франкфурте

Виктор Агаев

Германия бедна ресурсами, а потому практически единственный постоянный источник доходов — налоги. Понимают ли люди, что налоги необходимы для финансирования армии, полиции, здравоохранения, культуры, науки, образования, экологии, инфраструктуры, социальной системы? И насколько население готово платить налоги? Эти вопросы социологи базельского Institute of Commons and Economics задавали в 2015–2018 годах в 141 стране. Немцы свою готовность платить налоги оценили довольно высоко — семь баллов по десятибалльной шкале. Более сознательными считают себя лишь британцы, люксембуржцы, шведы и голландцы. В других странах готовность платить налоги значительно слабее. У бразильцев она на уровне 3,4, у македонцев — 3,2, у сербов — 4.

Границы налоговой морали

«Немцы сильно лсыт себе», — считает профессор Лондонского университета Ричард Мэрфи, опубликовавший недавно комплексное исследование The European Tax Gap («Дыры в европейской налоговой системе»), посвященное налоговой морали и проблеме ухода от налогообложения.

Выводы Мэрфи могли бы порадовать европейцев, ведь он говорит, что удавшихся попыток уйти от налогообложения в странах ЕС сейчас меньше, чем в 2012 году.

Но при этом до европейской казны за 2012–2015 годы не дошло примерно €825 млрд. Как минимум в пять раз больше, чем весь годовой бюджет ЕС. Шестая часть этой массы денег исчезла в Германии, четверть — в Италии.

€50–190 млрд были уведены в ЕС от налогообложения с помощью различных лазеек, найденных «особо одаренными» налогоплательщиками — как мелкими, так и крупными.

Так, международные концерны (Apple, Amazon, McDonalds, Windows и т. д.) в полном соответствии с законом платят налоги не там, где они много зарабатывают (в ФРГ, во Франции и других больших странах), а там, где находятся их штаб-квартиры. Поэтому они размещают их там, где низкие налоги: в Ирландии, Люксембурге, Нидерландах, на Мальте и т. д.

Еще как минимум €150 млрд казна ЕС теряет из-за махинаций с налогами с продаж. Это неизбежно, по-

скольку в ЕС не создана единая налоговая система, но убраны таможенные границы.

ФРГ, по данным Мэрфи, находится на втором месте в тройке стран (Италия, ФРГ, Франция), где уклонение от налогов практикуется чаще и успешнее всего в ЕС. «Каждый десятый заработанный евро не был учтен налоговыми службами», — говорит Мэрфи.

По данным Института немецкой экономики, в одной лишь ФРГ без оформления договора, без чека или счета, а значит, без уплаты налогов и социальных взносов меняют владельцев около €300 млрд. Причем это чаще всего не какие-то гигантские финансовые операции, а плата строителям, домработницам, авторемонтникам, уборщикам, официантам, сиделкам, санитарам, репетиторам...

Работа по-черному, то есть без уплаты налогов, — дело, правда, рискованное. В последние годы в ФРГ были увеличены наказания за это. В 2017 году штрафы заплатили 62 тыс. человек на общую сумму €168 млн. Уже за увод €50 тыс. теперь можно получить тюремный срок. После €100 тыс. срок может достигнуть десяти лет. Отсидку, правда, можно заменить многомиллионными штрафами, но далеко не всегда. Посадки очень известных людей (футбольный менеджер Ули Хенес, глава почтового концерна Клаус Цумвинкель), налоговые скандалы вокруг теннисиста Бориса Беккера или футболиста Франца Беккенбауэра привели к тому, что десятки тысяч «уклонистов», державших деньги в Швейцарии и Лихтенштейне, поспешили признаться в своих грехах. В 2014 году около 30 тыс. «явившихся с повинной» не были отданы под суд, а отделались миллионными штрафами, потому что успели сдаться до того, как было начато расследование.

Немцы свою готовность платить налоги оценили высоко — 7 баллов по 10-балльной шкале. Выше только британцы, люксембуржцы, шведы и голландцы

«Исследование Мэрфи доказывает, что, усилив борьбу с уклонением от налогов, можно существенно увеличить поступления в бюджет», — сказал в интервью газете Welt Удо Бульманн, лидер фракции социал-демократов и социалистов в Европарламенте.

Правда, для повышения эффективности этой борьбы нужно выделять значительно больше бюджетных средств на содержание соответствующих структур. А это в ФРГ сейчас практически невозможно, поскольку основной задачей является жесткая экономия бюджетных средств. Она не позволяет удовлетворять ни требования Трампа об увели-

чении военных расходов, ни просьбы о строительстве новых дорог, ремонте школ или улучшении ухода за стариками и больными.

Нажать на долговую тормоз

Режим жесткой экономии — это следствие бережливости немцев. Скорее наоборот. Жить по средствам немцам не удавалось никогда. Ни при кайзерах, ни при Гитлере, ни после него.

И бюджет ФРГ с самого начала, с 1949 года, был дефицитным. Без все новых и новых кредитов было невозможно восстанавливать страну после войны, преодолевать разруху, принимать миллионы немцев, изгнанных после войны из Восточной Пруссии, Чехословакии, Польши, создавать социальное рыночное хозяйство, участвовать в НАТО, бороться с левыми террористами.

Катастрофой для бюджета ФРГ стало незапланированное и скоропальное присоединение ГДР в 1990 году. Пришлось «занимать деньги» в пенсионном фонде, повышать налоги на табак и бензин, вводить «налог солидарности» и, естественно, брать новые кредиты. Совокупный долг рос быстро и потому, что приходилось тратить все больше на обслуживание кредитов.

Чтобы наглядно продемонстрировать глубину проблемы, неправительственная организация «Союз налогоплательщиков» (BdSt), адвокат налогоплательщиков, установила в конце 1990-х в центре Франкфурта-на-Майне огромный счетчик, демонстрирующий посекундный рост государственного долга. «Долговой счетчик» — важнейший инструмент нашей работы, — говорит председатель BdSt Райнер Хольцнагель, — это зеркало, которое мы постоянно держим перед правящими политика-

ми и парламентариями в надежде, что они поймут глубину и опасность долговой ямы».

Счетчик, пожалуй, впервые привлек внимание широкой общественности к этому союзу, но проблеме растущего долга ни народ, ни политики тогда не осознали.

Понимание пришло лишь в 2010 году, когда на счетчике впервые появилась цифра €2 000 000 000 000. Это соответствовало тогда 82% ВВП и на треть превышало допустимый уровень задолженности, установленный Маастрихтским договором. Обслуживание долга стало второй статьей бюджетных расходов, опередив оборону, здравоохранение, науку. Все «вдур-

вспомнили об ответственности перед будущими поколениями: «Им придется еще 200 лет расплачиваться за нашу финансовую политику». В конституцию страны был срочно внесен пункт, запрещающий федеральным землям (регионам ФРГ) влезать в новые долги, а федеральному правительству — брать кредиты, превышающие 0,35% ВВП. Это было названо «долговым тормозом». Перед Минфином была поставлена задача начиная с 2015 года обходиться без новых кредитов при составлении бюджета.

Как ни странно, это удалось выполнить, а затем дважды даже перевыполнить. А примерно год назад счет-

«Если ввести штрафы для людей, принимающих решения, то больше никто ничего решать не станет»

чик впервые начал крутиться в обратную сторону. Каждую секунду госдолг сокращается на €94. В середине февраля на нем было €1 928 405 193 482, а через год, по мнению МВФ, Германия вновь будет соответствовать критериям Маастрихтского договора.

«Черная книга»

Сокращение долгов, безусловно, шло бы быстрее, если бы деньги налогоплательщиков всегда использовались разумно. Это, однако, труднодостижимо. Даже в условиях жесткой экономии то тут, то там бюджетные средства используются на труднообъяснимые затеи и абсурдные проекты. Находить такие объекты, обличать их инициаторов, предотвращать разбазаривание бюджетных средств — эти задачи также пытаются решать Союз налогоплательщиков. Полученная с мест информация публикуется на сайтах федерального союза и его 15 филиалов, ее охотно распространяют все СМИ, но наибольший интерес вот уже 30 лет вызывает ежегодник «Черная книга». Еще одно зеркало, которое BdSt держит перед властными структурами.

В сборник 2018 года были включены, как всегда, около 100 наиболее абсурдных случаев некомпетентности, глупости, а возможно, коррумпированности политиков и нерадивости исполнителей (строителей, проектировщиков).

Вот только часть из них.

€887 тыс. были выделены в Тюрингии на систему подогрева футбольного поля на стадионе в Эрфурте, чтобы команда третьей лиги FC Rot-Weiß-Erfurt могла играть зимой. Однако оказалось, что денег на отопление поля нет и не будет. А чтобы футболисты от морозов не страдали, игры дешевые и проще отменять или переносить на другое время.

€11 тыс. стоил автомобиль для перевозки волков, пострадавших в дорожно-транспортных происшествиях в Нижней Саксонии. С момен-

та покупки этой «скорой помощи» в регионе произошло лишь два ДТП с волками, причем в обоих случаях они погибли на месте происшествий.

€1 млрд платит Минобороны за аренду израильских дронов, хотя в НАТО существуют и более дешевые решения. Тут BdSt обратил внимание, что Минобороны всегда предпочитает выбирать для оснащения бундсвера наиболее дорогую и не самую удачную технику.

Несколько миллиардов потеряет ФРГ из-за неготовности кооперироваться с партнерами по НАТО при создании системы противозвушной обороны.

€3 млрд было выделено на строительство шести подводных лодок с современными и очень экологичными двигателями, работающими без дизельного топлива. Но ни одна из лодок так и не использовалась по назначению.

€5,5 млн было потрачено на обновление здания, построенного в 2005 году в Эссене за €28 млн известными японскими архитекторами. Оно стоит на территории, где еще в 1990-е годы были металлургические заводы Zollverein, и должно было отапливаться и получать тепло и воду из системы водоснабжения этих заводов. Однако за время проектирования и строительства здания заводы закрыли за ненадобностью. Современное экологически правильное здание, получившее разные архитектурные призы, оказалось без инфраструктуры и вскоре потребовало «оздоровления». Оно и обошлось в €5,5 млн. Правда, не ясно, нужно ли это кому-нибудь. Здание предназначено для проведения различных культурно-массовых мероприятий, но расположено в регионе, который сейчас на это не имеет средств.

BdSt считает, что многие проекты были одобрены лишь потому, что их авторы (сознательно или нет) представляли народным избранникам нереалистичные расчеты. Так, смета на строительство печально известного вокзала в Штутгарте в 1995 году не превышала 5 млрд марок (€2,5 млрд), при начале строительства в 2010 году сметные расходы выросли до €4 млрд. В январе 2018 года речь шла о €8 млрд, но Федеральная счетная палата полагает, что меньше €10 млрд вокзал стоить не будет, и когда он будет готов — одному богу известно.

Аналогичная история и с берлинским аэропортом. Его собирались открыть в 2011 году, но явно не откроют и в 2020-м. При начале строительства сметные расходы не превышали €2,4 млрд. Сейчас ясно, что дешевле €7 млрд аэропорт стоить не

будет. Ущерб имиджу строителей и политиков измерить невозможно.

Проектная стоимость подземки в Дюссельдорфе составляла €650 млн. Когда работы закончились, выяснилось, что потрачено €844 млн, а спустя два года строительные расходы вдруг выросли до €929 млн.

На реставрацию Schauspielhaus — театрального здания в Дюссельдорфе, считающегося памятником архитектуры, — было заложено в смету €11,2 млн, сейчас уже потрачено €20,9 млн, а конца еще не видно.

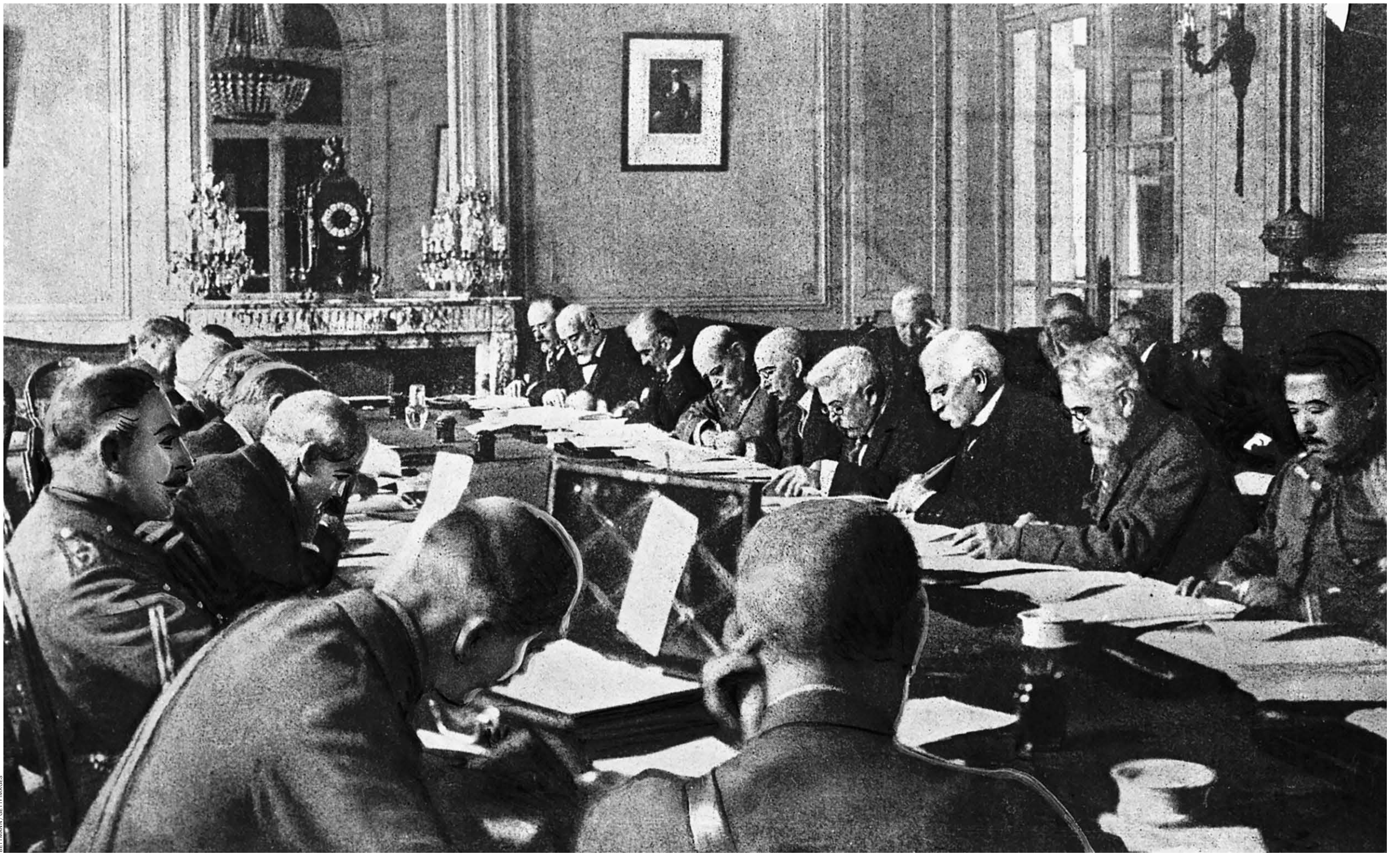
Концертный зал Beethovenhalle, построенный в Бонне в 1959 году и считающийся памятником архитектуры, решили к 250-летию Бетховена отреставрировать. Выделили на это €60 млн, но когда истратили €94 млн, то выяснили, что все нужно не реставрировать, а перестраивать, поскольку бетон и прочие стройматериалы в 1950-е годы не соответствовали современным требованиям. Сейчас речь идет о том, что не хватит и €100 млн, поскольку и грунт оказался проблематичным.

Городские голуби создают много проблем, прежде всего санитарно-гигиенических. Чтобы сократить поголовье голубей и держать его под контролем, во многих городах мира строят голубятни, в которых птиц кормят-поят, а их отложенные яйца своевременно заменяют гипсовыми. Успешность этого метода доказали во Франкфурте и Висбадене. Цена вопроса колебалась от €5 тыс. до €12 тыс. Немало, но польза налицо: в Висбадене за год в голубятне изъяли 13 тыс. яиц.

В близлежащем городе Фулда тоже построили такую голубятню. Правда, место выбрали неправильное — практически за городом. Голуби — птицы городские — туда залетают редко. К тому же, как выяснилось уже в ходе строительства, в этом месте нужен серьезный фундамент, чтобы голубятня не рухнула. В конце концов голубятня высотой с трехэтажный дом обошлась городу в €70 тыс., ведь туда надо было провести электричество, воду, нанять персонал для уборки.

BdSt не ограничивается обличением растратчиков. Он постоянно вносит предложения, направленные на сокращение госсубсидий и налогов. Финансируется союз исключительно за счет членских взносов (сейчас в BdSt около 300 тыс. членов) и пожертвований (их делают предприниматели, поскольку видят в BdSt своего адвоката в борьбе за либерализацию рынка, за ослабление роли государства и партий в экономике).

В глазах общественности BdSt является контрольной инстанцией врод Счетной палаты. Однако информация, публикуемая в «Черной книге», не является основанием для привлечения виновных к юридической ответственности. Как сказал глава Минфина 1990-х годов Тео Вайтель, «если ввести штрафы для людей, принимающих решения, то больше никто ничего решать не станет».

Представители правительств разрабатывают официальные документы Версальского договора

ИСТОРИЯ

Договор с последствиями

Версальскому договору в нынешнем году исполняется 100 лет. Его подписание принесло не прочный мир, а продолжение войны другими средствами. И все же тезис о том, что Веймарская Республика потерпела крах «из-за Версаля», — это историко-политический миф. О причинах его возникновения для «Д» рассказывает **Экарт Конце**, профессор истории нового времени в Марбурге.

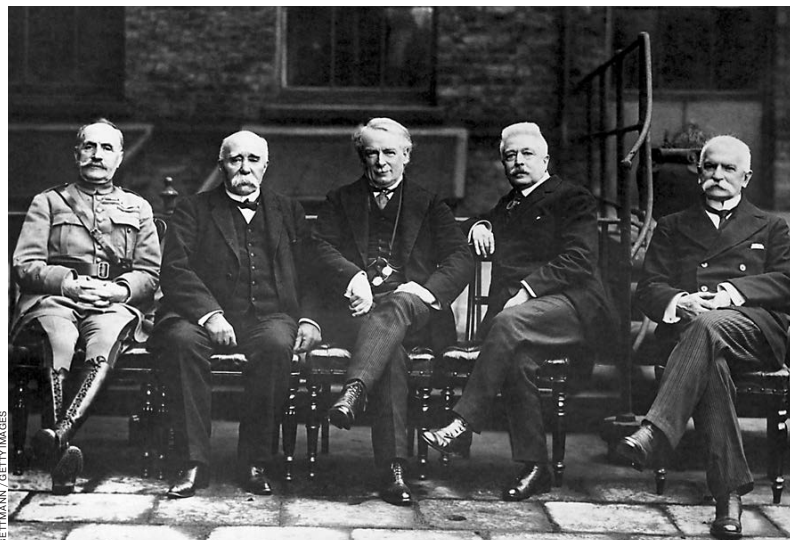

Экарт Конце

Против истории президент Северо-Американских Соединенных Штатов Вудро Вильсон отправился на Парижскую мирную конференцию в декабре 1918 года на бывшем немецком судне. До начала войны паролот «Джордж Вашингтон» принадлежал компании «Северогерманский Ллойд», но потом был конфискован в порту Нью-Йорка и с 1917 года использовался американскими военными для переброски личного состава в Европу. По прибытии во французский портовый город Брест президента Вильсона встречали ликующие массы. Его поездка по Европе — Париж, Лондон, Рим — напоминания триумфальное шествие. Соединенные Штаты не только решили исход войны, верили европейцы, —

чиная с Вестфальского мира 1648 года и заканчивая Венским конгрессом в 1814–1815 годах, было призвано не только поставить точку в долгой войне, но и заложить основу нового, устойчивого порядка. И тем не менее до 1919 года ни на один другой мирный договор не возлагали таких больших, разноплановых и противоречивых надежд, имевших настолько комплексный характер, что мирная конференция не смогла дать на них достойный ответ.

Так, над «миротворцами» довел опыт самой войны — страшной, продолжавшейся четыре с половиной года, с оружием массового уничтожения и миллионами жертв, не знающей прецедентов в мировой истории. Не было и примеров заключения мира после такой тотальной войны. В изможденных, в буквальном смысле обескровленных социумах, измученных тяготами военного времени, в последние годы войны все больше распространялась щемящая тоска по миру, истовое желание прекратить массовые страдания и смерть. Но вместе с тем крепла, утверждалась в умах и ненависть к врагам. Она неизбежно отразилась и на содержании мирного договора, за подписанием которого последовало не примирение, а продолжение войны другими средствами.

Лидеры союзников на встрече в Лондоне. Слева направо: главнокомандующий союзными войсками маршал Фердинанд Фох, премьер Франции Джордж Клемансо, премьер Англии Дэвид Ллойд Джордж, премьер Италии Витторิโอ Орландо, министр иностранных дел Италии барон Джорджи Соннино

нального государства способствовала эскалации конфликта и насилия, началу войн, обычных и гражданских, погромам и насильственному переселению — всему, что изначально несло в себе потенциал геноцида. За пределами Европы в колониальном мире — опять-таки под воздействием идеи о праве народов на самоопределение — на ход Парижской конференции влияли устремления к автономии и движения сторонников независимости. Однако «час Вильсона» (по выражению Эрццала Манелья) и здесь обернулся колоссальным разочарованием. Парижская политика великих держав определялась не идеями национального самоопределения, а империалистическими притязаниями на влияние в мире — их колониальные владения после Первой мировой войны только расширились. Миссию по установлению нового мирового порядка взяли на себя державы глобального Севера, и ведущую роль в этом процессе играли интересы сохранения/усиления их влияния.

Версальский порядок оказался неустойчивым и недолговечным. То, что в конечном итоге у него не осталось ни одного решающего и, главное, предопределило его. В частности, это относится к США, которые не были готовы использовать свой вес и свою мощь для поддержания порядка, в установлении которого принимала участие и Америка. Там, где США предпринимали усилия для конструктивной реализации договоренностей о мире, как, например, в 1920-х годах в вопросе о репарациях,

возможности версальского миропорядка проявлялись не в последнюю очередь в виде германо-французской политики взаимопонимания в эпоху Бриана — Штресемана, немислимой без вашигтонской политики стабилизации. Ни о какой прямой дорожке от Версаля к приходу к власти Гитлера и началу Второй мировой войны говорить не приходится.

Фiasco достигнутых договоренностей дискредитировало версальский порядок, и в 1945 году его не стали принимать за основу. Вторая мировая война закончилась без мирного договора. Тем не менее именно в этом отразился опыт Версаля. Провозгласив цель безусловной капитуляции, союзники извлекли уроки из окончания войны в 1918 году: они хотели не допустить появления нового мифа об «ударе ножом в спину» и недвусмысленно продемонстрировать поражение Германии. Независимо от этого вследствие холодной войны изменилась фундаментальная структура международной системы: на место многополярности пришла двуполярность. На таком фоне Версаль уже не мог служить точкой отсчета.

Эта ситуация начинает меняться после 1990 года. Отчасти это обусловлено более четким пониманием, что истоки всех важных тенденций, а также комплексов проблем и конфликтов в мире в конце XX и начале XXI веков следует искать в периоде после Первой мировой войны. В частности, это относится к арабо-израильскому конфликту, перспективе разрешения которого сегодня туманнее, чем когда-либо, и происхождение которого тесно связано с решениями, принимавшимися во вре-

мя Первой мировой войны и Парижской мирной конференции. Аналогично к событиям, предшествовавшим 1919 году и последовавшим за ним, можно отнести и политическую напряженность на Дальнем Востоке, сопутствующую сегодня превращению Китая в глобальную сверхдержаву. Это и глубокое унижение, нанесенное Китаю в 1919 году в Париже, когда Япония и западные державы пренебрегли легитимными интересами Пекина. Все эти исторические данности не объясняют современную динамику конфликтов, но продолжают влиять на политическую картину мира в КНР. Соединенные Штаты вышли победителями из Первой мировой, из Второй мировой, а затем и из холодной войны — трижды за одно столетие. В частности, поэтому XX век стал «американским веком». Чаяния мирного договора в 1918–1919 годах, определяющую роль в котором будут играть США, соотносится с более поздними представлениями о Pax Americana, а надежда, что Первая мировая станет войной, которая положит конец всем войнам, — с идеей о «конце истории» в 1990-е.

Но именно самоустранение США из глобальных политических структур, в формировании которых была велика роль Вудро Вильсона, решающим образом способствовало тому, что международный порядок межвоенного периода оказался настолько неустойчивым и заряженным потенциалом конфликтов. У крупных держав, включая Германию, не было общего интереса в совместном использовании и, следовательно, упрочении структур, сформированных в 1919 году. Как следствие, Лига на-

ивно заявляет свои претензии на глобальное влияние. Наконец, это и Россия, авторитаризм в которой характеризуется нарушениями международного права. Наиболее явно он проявился в аннексии Крыма и вмешательстве в гражданскую войну на Украине, и международное сообщество государств ему мало что может противопоставить — прежде всего нет совместной воли к действию. От этого страдают, подобно Лиге наций 1930-х годов, все те международные структуры и организации, которые, вопреки ожиданиям 1990-х годов, стали не сильнее, а, напротив, слабее, поскольку представляют помеху для односторонних действий.

Европу отнюдь не обошли тенденции возврата к национальному мышлению, которые подталкивают европейскую общность и солидарность. Центробежные силы крепнут и выражаются не только в «Брексите». Мирный нарратив, во второй половине XX века после опыта двух мировых войн, а также богатого на кризисы межвоенного периода послуживший фундаментом для объединения европейского континента, блекнет и теряет силу. Германия, Европа и мир вновь стали восприимчивыми к национализму и идеям о суверенитете за счет отмежевания. «Старыми демонами» назвал их президент Франции Макрон в годовщину Компьенского перемирия (1918 год), говоря о периоде после окончания Первой мировой войны. Тогда этим «демонами» за считанные годы удалось уничтожить ростки мирного международного порядка, а вместе с ними — не только в Европе, но и за ее пределами — надежды на свободу и демократию.

Вильсона мучило предчувствие, что Версальская конференция может обернуться трагедией разочарования

они должны были принести Европе и всей планете вечный мир.

Сам Вильсон был настроен куда более скептически. Еще во время путешествия через океан его мучило предчувствие, что конференция может обернуться «трагедией разочарования». И действительно, не успели просохнуть чернила под документом, как у него не осталось защитников. А после Второй мировой войны «Версаль» и международный порядок, основанный на договорах 1919–1920 годов, и вовсе стали считать причиной фиаско мирных усилий.

Но почему версальские договоренности нигде не встретили одобрения, повсеместно вызвали сомнения и так и не позволили европейскому и мировому сообществу обрести мир и покой? С заключением мира после страшной войны связывали колоссальные ожидания: он должен был положить конец любым вооруженным конфликтам. Конечно, любое крупное подписание мирных договоров в Новое время, на-

Но проблематика мира и его недостаточного неприятия не исчерпывается обстоятельствами заключения мира и специфическими условиями Версальского договора. В более широкой перспективе, не ограниченной Германией, критика мирных договоров, которую высказывали еще современники, а также их все более явное и массовое неприятие объяснялись тем, что установление мира после Первой мировой войны было сопряжено с обстоятельствами, выходящими далеко за пределы этой узкой задачи. Это и распад многонациональных империй — России, Австро-Венгрии, Османской империи, и основание новых государств, к которому привела эрозия старых.

Императив Вильсона о самоопределении народов и политика национализации не давали ответов на вопрос о сосуществовании различных этнических групп населения. Напротив, этнические конфликты и проблемы с меньшинствами обострились, а идея этнически однородного нацио-

Германия, Европа и мир вновь стали восприимчивы к национализму, к идеям суверенитета за счет отмежевания

ций и прочие многонациональные структуры ослабили и де-факто прекратили существование. Следствием тому явилась мощная волна ренационализации, часто сочетавшаяся с агрессивным национализмом, и не только в случае с Германией.

В современном контексте мировая политика вновь все больше определяется национальными интересами, и односторонними действиями отдельных держав. Это и США, где Дональд Трамп доводит до крайности тенденции, зародившиеся еще в 1990-е годы, тем самым подрывая больше, чем только трансатлантизм XX века. Это и КНР, которая самоуверенно и агрес-

Новый всплеск национализма, популизма и авторитаризма в Европе и мире действительно напоминает о времени после 1919 года. Война, не получившая должного осмысления, заключенный исподволь мир, как следствие, глубокий экономический кризис — все это заставляло тогда усомниться в достоинствах либеральной демократии. Во многих странах к власти пришли авторитарные правительства. Представления о либеральном послевоенном порядке, при котором и победители, и побежденные смогли бы жить мирно и свободно, после Первой мировой войны остались лишь мимолетной иллюзией.

ОПЫТ

Как я стала немкой

Яна приобрела немецкую фамилию, интересную работу, но осталась российской гражданкой. Она одна из тысяч приехавших в Германию из России. У каждого из них свой путь к разочарованию или счастью. О своем, трудном, — Яна Шульц.

Восемь лет назад судьба (или ветер в голове — сложно сказать) затолкала меня в Берлин, где только-только я отметила свои (страшно сказать) 30. Уезжала я вообще-то года на два. Получив бакалавра по международному праву в одном из престижных вузов Москвы и сделав нехитрые финансовые подсчеты, семейным советом мы постановили, что получить магистра в Берлине будет эксклюзивнее, чем в московской альма-матер. Продвинутые «дети» в то время уезжали скорее в США или Англию. Но в моем случае посольское детство, пять незамутненных лет, проведенных в Бонне, дали о себе знать.

Собирая чемоданы в марте 2011-го, я не особо понимала, на что иду. И хорошо, что не понимала. Первым делом большим вызовом стала и остается немецкая бюрократия. Упоминание местных ведомств и чиновников, скорее всего, вызовет нервный смех у любого столкнувшегося с ними иностранца. Нужно глубоко вдохнуть и выдохнуть, чтобы не сказать о них лишнего. Их доступность, активность, отзывчивость, спешность... Сколько часов я и мои знакомые бивали пороги берлинского Ведомства по делам иностранцев — не сосчитать! А ведь мы образованные, интеллигентные молодые люди, работающие и платящие налоги в местную казну, ни разу не взявшие денег у государства и не оскорбившие местных порядков. Однако это не защищает от зачастую хамского и почему-то заранее уничижительно-го тона и обращения со стороны немецких чиновников.

Поступила я, значит, в юридическую магистратуру, что, наверное, логично. Всю первую лекцию по налоговому праву на немецком языке я буквально просмотрела в потолок. Чтобы слезы не катились вниз и их никто не видел. Я не понимала, куда попала, зачем и вообще КАК это возможно усвоить? Немецкий был моим вторым иностранным, до этого первым всегда был английский. Со временем пришлось, например, осознать и принять тот факт, что улыбки в ответ, предложения попить кофе и вот эти всякие small talks зачастую не несут за собой никаких намерений. Скорее всего, на кофе вы никогда не встретитесь. Я поняла, почему о русских говорят, что мы неулыбчивые и хму-

рые. Потому что мы искренне улыбаемся и радуемся только тем, кого выпускаем в сердце. В России не будут предлагать встретиться после работы или учебы просто, чтобы предложить, потому что так принято. Я пока не решила, какая крайность лучше, наверное, скорее что-то посередине, как всегда.

Вторым большим испытанием в Берлине, которое с годами, кажется, только набирает силу, является поиск жилья. Здесь не получится в короткие сроки снять квартиру, даже если срочно надо (речь идет о долгосрочных намерениях, не о туристах). У многих людей на поиск уходит месяц, у некоторых и полгода. Потому что огромный спрос, цены растут, а качество — нет. Иногда на просмотр более или менее приемлемой квартиры выстраивается очередь в 40 человек, забив весь лестничный пролет. И из них выберут только одного кандидата, обычно у кого стабильный высокий доход и в идеале немецкая фамилия. Для молодой девушки или молодого юноши, кто еще немного зарабатывает, но хочет жить один, поиск своего жилья станет основой для выработки терпения. Конечно, и сейчас популярно жить в коммуналке, то есть снимать комнату в квартире с другими людьми. Но и это стало непросто, так как за нормальную комнату цена в среднем составляет около €500 в месяц. Конечно, в зависимости от района и размера. А Берлин признан одним из самых дешевых городов Германии. Для сравнения: живя студенткой в коммуналке в 2011 году, я платила за комнату в 21 кв. м €270. И тогда это считалось дорогим.

Пишу и улыбаюсь. Еще интересно то, что все здесь поголовно арендуют. Я это знала и раньше, но чтобы ВСЕ. Мои руководители на работе, коллеги, которым за 40 и у которых семьи и неплохие зарплаты, — все снимают. Почему — не знаю.

За восемь немецких лет позади у меня два магистра, пять различных немецких виз, несколько рабочих опытов и практик, пара романтических экспериментов, в том числе один искренний и честный брак, о котором я не жалею. Однако внутренняя, зачастую не всегда осознанная тяга к приключениям не позволила так рано остановиться на предложенной модели существования. Два года назад я решила все кардинально поменять и попробовать жить так, как хочется. И бросила скучнейшую работу в не-

Похоже, Яне удалось подружиться с Берлином и его символом

мецкой юридической конторе, где, кроме неплохой зарплаты, не было ни одного плюса, а депрессия уже привлекательно махала из-за угла. Упорно казалось, что я буксую на ровном месте. Взвесив страхи и перспективы, заручившись поддержкой и пониманием близких, я решила сменить квалификацию и уйти туда, куда всегда тянуло, — в сферу медиа. С юридическим дипломом попасть туда оказалось нереально, даже при наличии каких-то контактов. Все очень строго. Ordnung muss sein. Подав заявку на магистерскую программу Media studies в Техническом университете Берлина, в тот же день я пошла в бассейн. А там в очередной раз поспорила сама с собой, что если проплыть 2 км, то меня точно возьмут. Заплыв я сделала, но из университета пришел отказ. А через месяц пришло согласие: меня приняли по второму кругу отбора. И это была какая-то совершенно дру-

гая учеба, так как выбор был осознанным. Это напоминало скорее хобби — в восемь утра я, обычно готовая продать почку, чтобы подольше поспать, уже сидела на лекциях и кайфовала. И, безусловно, параллельно искала подработку. Одно из интервью на студенческую позицию было в крупной местной газете. «Так, ну за этими дверями точно no dream job», — подумала я. Но меня не взяли. Неудачность в деньгах никто не отменял, и я без восторженного сопротивления пошла работать в одежный магазин на историческом Курфюрстендамме, куда самоуверенно напросилась, в один прекрасный день охотясь за новыми New Balance.

Офис и склад были спрятаны за основным шоу-румом. Это был новый опыт, для меня был особый кайф приходить в десять утра и первой зажигать свет, который распознал по спящему залу. Почти весь

рабочий день я была на ногах, время пролетало незаметно, сесть и перекусить было некогда. У меня была неплохая команда и очень человечный шеф, он же владелец магазина, который искренне любит свое дело: ему не в напругу самому порхать на складе, помыть высоченные витрины или пройти по полу влажной тряпкой. Но через месяц мне позвонили из издательства и пригласили-таки работать на полставки в отдел поддержки абонентов и читателей. Счастью не было предела.

Спустя полтора года по окончании учебы меня перевели на полную занятость в отдел рекламы. Где я сейчас и тружусь. Но, скажу честно, тиражи с каждым годом падают. И этот процесс необратим, потому что наши читатели вымирают — в прямом смысле. А в таком молодом городе, как Берлин, это особенно опасно, потому что все же нынче в интернете. К тому же между тремя главными ежедневными берлинскими газетами исторически жесткая конкуренция. Чтобы выжить, нам надо быть на три головы выше двух других изданий. А это ой как непросто! Все это время в коллективе я единственная иностранка. До сих пор бывает, что расстраиваюсь, когда не понимаю все и сразу, когда торможу. На совещаниях хочется поставить всех на slow motion. Забавно, но порой кажется, что идеальная работа — это просто когда ты сидишь на переговорах и понимаешь каждое слово. Да и немцы — они такие. Не только на работе, а везде. Кто-то по-доброму улыбается над твоими ошибками и корректно поправляет. А кто-то начинает непроизвольно морщить лицо, когда ты только открываешь рот.

Когда мне говорят, что у меня русский акцент, я отвечаю, что да, а какой еще он должен быть? Я его не стыжусь, поскольку не скрываю своих корней. На прошлой работе мне говорили, что поскольку я живу в Германии, то и думать хорошо бы мне было уже на немецком. Не разрешили делать пометки на русском, которые я записывала для себя на скорую руку.

Что касается соотечественников, то в Германии очевидно разделение на «убежавших» русских и тех, у которых «так сложились обстоятельства». Мне, к счастью, бежать было не от чего: Москва и все личное, с ней связанное, держало и держит до сих пор. Это такая меланхоличная и глубокая любовь. Тут не хватает какой-то общей женственности. Многие слышали и знают про то, что евро-

пейские мужчины практикуют «поламничество» со своими партнершами. Практикуют, любя. Редко пропускают женщину вперед, очень редко дарят цветы, что мне всегда было непонятно, так как цветы здесь в сравнении с Москвой дешевые. Ну хотя бы тюльпаны-то по весне! Часто бывает, что на первом свидании за тебя заплачат, а на втором уже будут ждать твоего участия. В семьях, где нет большого различия в величине зарплаты, все тоже обычно пополам. Мне даже недавно рассказали, что есть какое-то популярное мобильное приложение, которым многие семейные пары пользуются, подсчитывая и разделяя бытовые счета. При всем при этом я от многих немцев слышала, что в такой тенденции виноваты сами немки, которые демонстрируют свою эмансипацию и феминизм при любом удобном случае. Зато и в декрет здесь часто уходят пополам, квартиры делят тоже пополам. Если уж в паре равноправие в том смысле, что каждый берет и отдает одинаково, то обычно это касается практически всего. Если всех участников устраивает, то почему нет?

Я пока не встретила здесь в своем кругу ни одну домохозяйку. Да и немудрено — по-моему, в каждом предприятии есть позиция на 20–30 часов занятости в неделю. И что примечательно, это могут быть должности не последней важности.

В русский магазин я и мои русские друзья навещаемся регулярно — любимыми продуктами типа распылчатого творога, гречки, ряженки, розовых ароматных помидоров в красивых немецких супермаркетах не найти. Подводя итог, могу сказать одно: путь преодоления и, соответственно, непрекращающегося внутреннего роста — это круто. Если еще и оставаться открытым человеком, веселым, без протыв и в разумной степени упертым, то есть вероятность, что даже самое строгое немецкое сердце тебе отстроет.

Германию я ни в коем случае не ругаю и по-прежнему люблю. Просто на мой вкус она не лучше и не хуже России, она другая, и с ней надо уметь дружить. Но менять российский гражданство пока определенно не входит в планы. Спасибо родителям, которые отпустили и сделали мое немецкое приключение возможным. А я тем временем пойду готовить Abendbrot — ужин из бутербродов. Потому что немцы не едят горячее два раза в день.

РЕПОРТАЖ

Там, где Москва и Берлин едины

Молодая русская культура нашла себе место в немецкой столице и с каждым днем чувствует себя в ней все лучше.

«Д» отправился на прогулку по русскому Берлину вместе с журналистом **Инной Хильдебранд**.

Инна Хильдебранд

Ни в Берлине, ни в Москве никто не удивится такому граффити

Где, как не на кухне, можно вести разговоры о русской жизни? Так было некогда в СССР, и так происходит сегодня в одной из студенческих квартир в Берлине. «Я здесь выросла, и мне всегда этого не хватало: я что-то искала, но ничего не было, — вспоминает Юлия на кухне. — Но вот в последние годы в Берлине появилась молодая и именно русская жизнь».

Юлия, как и я, — так называемая русская немка: в Германию она уехала вместе с родителями в 1990-х годах. Вся русская жизнь происходила в те времена дома и в кругу семьи. Для «русской дискотеки» мы были слишком молоды, а когда начинали выходить в свет, русскоязычный культурный сегмент нас не привлекал, опять-таки потому что создавался не нашим поколением и не для нас. «Они приехали молодыми людьми и создали собственное комьюнити, но в нем мало что современного происходило», — констатирует Юлия.

Около пяти лет назад лед тронулся. В город стало приезжать все больше молодых людей творческих профессий из бывшего СССР. Да и сами берлинцы запускали инициативы, создавая русскую и вместе с тем интернациональную (культурную) жизнь вдали от «Шарлоттенграда» и Курфюрстендамма.

Галерея Areto Raum расположена в кирпичном здании, поросшем плющом, в отреставрированных дворах между улицами Софи и Гипс в старом Берлине. «Бытие между» здесь больше, чем просто география. Изначально в подвальных помещениях с белыми стенами три молодые женщины издавали русско-английскую культурную газету Areto, чтобы установить культурный диа-

лог между Востоком и Западом. Но уже третий выпуск стал последним: деньги закончились, рассказывает Мария Изерлис. Уроженка Украины работает в Берлине вместе с американкой Кристи Вуди. Елена Юшина, инициатор проекта, вернулась в родной Санкт-Петербург и открыла там филиал галереи. Бурлящая русскоязычная культурная тусовка в Берлине, как в 1920-е или позднее — в 1990-е годы, сегодня для этих троих неммыслима вне западной перспективы. В этом они солидарны со знаменитым конструктивистом Элем Лисицким, который в 1923 году стал выпускать в Берлине газету об искусстве, чтобы возобновить культурные контакты с Россией и Западом после долгой войны. Издание «Вещь/Gegenstand/Objekt» вышло сразу на трех языках.

«Оно явилось как бы предтечей нашего проекта, — говорит Изерлис. — Мы видим себя продолжателями традиции тогдашних иммигрантов, искавших культурного диалога, который сегодня мы продолжаем другими средствами». Ведь Берлин — это город, где Восток и Запад встречаются, как нигде больше.

Кураторы приложили немало усилий, чтобы превратить бывшую редакцию Areto в выставочное пространство и лабораторию современного искусства. Старшее местное русскоязычное поколение художников, среди которых есть такие видные личности, как Вадим Захаров или Борис Михайлов, встречается с молодыми художниками, становление которых проходило в Москве, Киеве или Минске. К ним также присоединяются коллеги из западных и восточноевропейских стран.

В отсутствие заявленной узкой культурной программы темы выставок тут бываю-т самыми неожиданными. Как, например, прошедшая не так давно «Родная речь/Mother Tongue» о советско-русском кодовом языке гомосексуалистов. Родившийся в Москве и живущий в Нью-Йорке Евгений Фикс по-русски и по-английски знаком посетителям с этим неожиданным языком, сложившимся главным образом в соответствии с московской тусовкой. «В России эту выставку в таком виде провести бы не удалось», — уверена Кристи Вуди.

Свобода тем — одна из причин, по которым молодых российских художников манит Берлин. Мария Изерлис говорит, что это относится и к восточноевропейским художникам, которые надеются получить здесь больше свободы и поддержки.

Надо сказать, что напряженные отношения России с Германией ситуацию лучше не делают. С этим согласны и кураторы. Но именно поэтому они видят острую потребность в диалоге.

В другой части центрального Берлина, неподалеку от Фридрихштадтпаласта, в старом здании с просторной лестницей, которое вполне могло бы стоять где-нибудь в Санкт-Петербурге, находится союз «Декабристы». Его участники готовят не грядущую революцию, а Red Square Festival, который состоится в мае на площадке «Культурфабрик Моабит». Сергей Медведев, Александр Формозов и Коринна Шпрайтцер реализуют многочисленные проекты, связанные германороссийским обменом и активностью в сфере гражданского общества в русскоязычных странах. Проникнувшись мыслью, что российский культурный ландшафт Берлина со времени последнего подъема в 1990-е годы как бы погрузился в сон и нуждается в обновлении, они бросили все силы на планирование фестивалей. Программа фестивалей должна включать в себя не только концерты, кинопоказы, художественные выставки, но и политические дискуссии, решили они. «Идея заключалась в том, чтобы он стал событием не только для русскоязычного комьюнити», — рассказывает Коринна Шпрайтцер, единственная в команде, впитавшая русскоязычную культуру не с молоком матери. Теперь популяризация с помощью фестивалей стала и ее делом.

Программу нынешнего года с восходящей звездой певицей и автором песен Гречкой и уже популярной группой Ангел нестыдно предложить вниманию публики. С учетом положительного резонанса в этот раз фестиваль продлится не один день, а два и станет калейдоскопом актуальной российской и восточноевропейской культуры как вне Германии, так и в ее пределах. «Берлин отличается насыщенной русской

культурной жизнью. Я была удивлена, когда начинала здесь выступать», — говорит моя 27-летняя собеседница.

За пределами берлинского кольца городских электричек, где заканчиваются клубы техно и начинаются первые жилые дома, образующие переход к буржуазному району Нойкельн, живет со своей семьей Галина Озеран, она же Галя Чикис (Chikiss). Ее концерты с их объемным электронным звучанием сделали ей имя не только на берлинской музыкальной сцене, в последнее время она частая гостья и в самых модных клубах российской столицы.

«Для молодых москвичей теперь я — певица, которая приезжает из такого популярного Берлина», — рассказывает Галина с улыбкой от мысли, как все изменилось после того, как четыре года назад она окончательно уехала из Санкт-Петербурга — без особой необходимости, просто потому что представила такая возможность. Многие из ее петербургских друзей сегодня живут в Берлине и участвуют в формировании русской культурной жизни по всей немецкой столице.

Женщина в возрасте около 35 лет редко принимает в этом участие просто потому, что она хорошо интегрировалась в берлинскую жизнь и редко выходит за пределы своего района. «В Нойкельне есть собственное интернациональное комьюнити, и здесь очень много интересных мест, где можно хорошо провести время», — говорит она. Люди друг друга знают, поддерживают, но их жизнь не завязана на солидарности выходящей из России. Тем не менее для нее существует исторически сложившийся русский Берлин, и это ощущается в целых районах или в определенных местах. «Здесь повсюду можно услышать родную речь. В Берлине все понятно и как будто знакомом».

Русская жизнь в Берлине стала такой увлекательной, какой не была уже долгое время, и к тому же беспрепятственно открытой. Интернационализм сегодняшней немецкой столицы делает возможным общение на почве интересов, определяемых не только языком.

Инна Хильдебранд — берлинская журналистка, работающая в сфере культуры

«Перевод — это многократно возобновляемый диалог»

Татьяна Баскакова — один из ведущих российских переводчиков-германистов. В ее переводах публиковались произведения Роберта Вальзера, Альфреда Деблина, Райнхарда Йиргеля, Пауля Целана, Арно Шмидта, Ханса Хенни Янна, Кристиана Крахта. Баскакова — лауреат премии Андрея Белого в номинации «За заслуги перед русской литературой», премии имени Жуковского за продвижение немецкой литературы в России, немецкой переводческой премии.

Для «Д» **Андрей Архангельский** поговорил с ней о том, как перевод сближает народы, но и напоминает о принципиальных несходствах.

Андрей Архангельский

— Исторические судьбы Германии и России не раз переплетались, в том числе трагически. Желание разобрать и собрать мир заново, завороченность социальными утопиями и одновременно бегство от мира — эти мотивы чувствуются у авторов, которых вы переводили: Ханса Хенни Янна, Арно Шмидта, Райнхарда Йиргеля... Россия и Германия напоминают исторических двойников — вам не кажется? — Я думаю, общая причина стремления к утопиям в том, что и Россия, и Германия были, скажем так, в свое время не самыми развитыми странами. И поэтому болели общими болезнями. Впрочем, я и сама утопист: выбрала профессию переводчика, которая в моей стране, по сути, не востребована. Перечисленные вами авторы интересны мне именно потому, что привносят в жизнь читателей нечто называемое непереводаемым словом «sehnsucht» — приблизительно «стремление к иному»... В 1990-е у меня была эйфория от того, что мы теперь можем общаться без барьеров. В какой-то момент я стала много ездить по немецким деревням и именно тогда поняла, что между нами большая разница. Вот я приезжаю на велосипеде в маленький городок. И там, как правило, стоит ратуша. С XVII, с XVI века. Что такое ратуша? Городской совет. Это значит, что горожане уже тогда собирались и решали самостоятельно свои дела. Может быть, плохо решали — там неподалеку стоит памятник сожженной ведьме, например. Но эта традиция самостоятельности, ответственности в Германии развивалась, а в России — нет. Причем еще в XIX веке разница между Россией и Германией была почти незаметна. Даже общий тоталитарный опыт XX века, и советский, нас тоже сближает — но только не привычка к самостоятельному действию.

Я застала брежневскую эпоху. Окончила Московский университет, хотела продолжить занятия в Ленинграде. Мне это удалось, но для этого я должна была там жить и работать нелегально, потому что без прописки не могла официально устроиться на работу. Поле деятельности у советского человека было очень узкое. В итоге в нас глубоко вельось ощущение, что ничего изменить мы не можем. Ну, в политике, скажем. Хотя я что-то делаю, подписываю какие-то письма, но это сидит во мне. В Германии, особенно в Западной, ситуация иная. Здесь очень живо интересуются политикой.

— Можно ли сказать, что немецкая политическая этика и профессиональная этика как-то связаны? — И страха нет, и ощущения безнадежности. У меня в Германии есть подруга, ей 76 лет. Когда началась перестройка, она собрала деньги, приехала в Петербург, привезла лекарства, шприцы и т. д. Решила (и до сих пор это делает) платить каждый год за обучение — в России — одного из учеников петербургской немецкой школы Петершуле. Она часто повторяет фразу: «Мы слишком хорошо живем. И я себя неудобно чувствую». Она испытывает моральное неудобство за свое благополучие и хочет что-то сделать для других.

Я общаюсь в Германии в основном с людьми своей профессии — переводчиками — и хочу отметить их мощную профессиональную этику. В России в 2011 году был создан Институт перевода, главная его цель — способствовать распространению русской литературы за рубежом. Там составили программы «100 классических русских книг» и предлагают иностранным издательствам издать целиком весь этот список, обещая предоставить на это гранты. В Германии такой проект был встречен в штыки. Потому что германский издатель и переводчик не будут готовить к печати книги, которые им навязывают. Они привыкли переводить и издавать авторов, которые им лично интересны.

В Берлине немецкие переводчики с русского раз в два месяца по собственной инициативе встречаются и обсуждают перевод кого-то одного из группы. В России такое даже представить невозможно — чтобы люди просто так, не за деньги регулярно встречались и обсуждали что-то. И не потому, что русские переводчики хуже. Просто все они существуют на грани выживания, имеют одновременно по несколько заказов и у них нет возможности встречаться «по любви», я думаю. Играет роль и разное представление об ответственности. Например, приезжает на такого рода мастерскую (русско-немецкую) переводчик из России. Перед встречей каждый участник обычно выбирает текст для перевода и представляет на суд коллег. Коллега из России выбрал немецкий текст XVII века. На обсуждении ему делают много замечаний по тексту, в качестве оправдания он говорит: да я вообще перевел его, пока ехал в поезде — из Петербурга в Москву. Для него это, может быть, профессиональная бравада, для немцев — дикость. Собравшиеся вложили свои силы, хотели ему помочь, бескорыстно. И вдруг они видят такое отношение к делу — задней ногой.

— Какая преобладающая мотивация у современных немецких переводчиков? Чем вызван их интерес к русской культуре?

— На ярмарке во Франкфурте одной немецкой переводчице задали похожий вопрос: «Что такого есть в русской культуре, чего нет в немецкой?» Спрашивающий хотел подчеркнуть, что русская литература особенная (потому у нас и затеяются — на государственном уровне — только о поддержке переводов русской литературы за рубежом, но не о поддержке своих переводчиков). Для немцев же в принципе интересна любая другая культура. Немецкий переводчик с русского, конечно, любит русский язык — но не «язык вообще», а особые языки тех авторов, которые ему интересны. Например, одна известная немецкая переводчица перевела «Петербург» Андрея Белого, собрание сочинений Варлама Шаламова... Она много лет переводила «Котлован» Платонова. Ей для

«В Германии все всегда хотят найти новые слова. Чтобы не говорить затертыми фразами, чтобы другие их поняли и услышали»

этого понадобилось четыре года, она так и договорилась с издательством. В России никто не стал бы ждать перевод четыре года. С другой стороны, она не хочет, чтобы ей диктовали, кого следует переводить. Как правило, я думаю, переводчик влюбляется в язык или в образы писателя. Так что дело не только в языке.

— Наверное, интерес к русской культуре связан среди прочего и с чувством коллективной вины. Актер Ларс Айдингер, который сыграл Николая II в фильме «Матильда», рассказывал мне, что чувство вины простирается от того, что современные немцы отказываются от использования слов, которые как бы заражены нацизмом.

— Да, это так. Вообще, представление о приличном и неприличном — точнее, о порядочном и не порядочном поведении — играет в Германии большую роль — по сути, это неофициальный кодекс правил, который регулирует отношения в обществе. Если, например, ты позволишь себе рассказать анекдот про евреев или про беженцев, то в определенных кругах с тобой просто не будут иметь дело. Это воспринимается как нечто чудовищное, оскорбительное. В России такой острой реакции на шовинистические высказывания нет.

но разумно организовать работу с мигрантами. Отношение к мигрантам понимается германскими интеллигентами прежде всего как этический долг. С другой стороны, их очень беспокоят рост антимигрантских настроений и поддержка населением правых партий.

— Различия в психологии тех, кто жил по разные стороны Берлинской стены, — это для немецкой литературы по-прежнему актуальная тема?

— Восточные и западные немцы с тех пор в значительной мере сблизились и многое изменилось. Но память о советском времени остается — и это объяснимо. Главная травма была, конечно, психологической: большинство людей утратили прежнее положение в обществе. Не стоит забывать, что многие восточные немцы, так же, как и у нас, искренне принимали социалистическую идеологию. Я закончила переводить один немецкий роман, это попытка осмысления прошлого и настоящего Германии. Роман начинается с кануна Первой мировой войны, когда тоталитарные идеи начали вызревать в безобидных — как будто бы — певческих обществах. Автор интерпретирует этот процесс развития националистической идеологии как выражение социального инфантилизма — стремления к сильной фигуре «отца». Роль та-

«Немецкие переводчики с русского, конечно, любят русский язык, но не „язык вообще“, а особые языки тех авторов, которые им интересны»

— Какой вопрос сегодня является наиболее болезненным для германских интеллектуалов?

— Самый острый вопрос сегодня — это отношение к мигрантам. Среди интеллектуалов распространена такая позиция: мы не вправе отказываться в убежище тем, кому дома грозит реальная опасность. Но вот происходит очередное убийство или насилие, которое совершил мигрант... Идеализм — если такое слово здесь уместно — сталкивается с жестокой действительностью. Часть населения настроена против мигрантов, другая часть, которая мне ближе, уверена, что государство просто долж-

у нас, и, похоже, изменила людей не так сильно. В книге Уве Телькампа (о последних годах жизни в ГДР), из которой я перевела только кусок, есть интересное наблюдение. Оказывается, что в Восточной Германии, несмотря на советскую идеологию, каким-то образом сохранился средний класс, традиции буржуазного общества — привязанность к культуре, музыке, Гёте и так далее. И все это сочеталось с дикими формами советской власти — например, человек не мог сразу после школы поступить в институт, а должен был обязательно отслужить в армии, как это произошло с автором книги.

— В Германии есть что-то похожее на наше понятие интеллигенции? Вы, кстати, говорили, что сегодня интерес к литературе в Германии не ограничивается узким кругом читающих, как у нас.

— Мне кажется — есть. Как-то я получила германский грант и жила в крошечном городке Ворпсведе, бывшей колонии художников. Неожиданно мне предложили выступить с лекцией, рассказать про свои переводы. Я не была уверена, что это кому-то интересно. Собрался полный зал. Я говорила о переводе Арно Шмидта — это, конечно, крупнейший немецкий писатель второй половины XX века, но он сложен для восприятия — по идее его мало должна читать широкая публика, да? Но люди после моего выступления живо его обсуждали, задавали вопросы, спорили. Я спрашивала себя: кто эти люди?.. Скорее всего, местные служащие и пенсионеры, владельцы небольших домов, совершенно обычный народ. — Один критик сказал про Арно Шмидта: его проза — это попытка разрушить немецкий язык и собрать его заново.

— Когда я работала редактором «Иностранной литературы», мне часто приходилось слышать такого рода фразы: вот, мол, я люблю Томаса Манна потому, что это красиво, и посреди сегодняшнего хаоса это гармонизирует, успокаивает... Арно Шмидт (1914–1979) не хотел быть «красивым», классическим автором. Он хотел говорить о важных вещах со своими соотечественниками, пережившими войну. Вместе с тем у него было огромное желание сохранить прежнее культурную традицию, которая была дискредитирована тем, что он использовал нацистский режим — и того же Гёте, и Гельдерлина... Шмидт массу сил потратил на то, чтобы вернуть эту культуру немцам... как бы обновленной, очищенной. После него осталось шесть томов радиопередач, которые называются «Беседы в библиотеке». Эти радиопередачи были, по сути, формой разговорного общества с самим собой. Это была не попытка «вернуть классику» вроде заклинаний «Пушкин наше все», а именно желание переосмыслить классику, то же Гёте. Никто, между прочим, не замечал так убедительно язык Северной Германии, как Арно Шмидт. Он жил под Гамбургом в Лüneбургской пустоши — в местах, где скрещивались немецкий и голландский. Это называется платдойч, или нижнегерманский язык, — диалект, почти не читаемый даже для тех, кто знает немецкий.

— Разговор о диалектах всплывает каждый раз, когда говоришь о Германии... С чем это можно сравнить, например, у нас?

— Это совершенно не похоже на Россию. Германия долгое время была раздроблена, она собиралась, сшивалась из разных княжеств, и поэтому между отдельными ее областями до сих пор, как мне кажется, сохраняются культурные различия... Автор, даже если он пишет на классическом немецком, может обогащать свой язык, заимствуя слова из диалектов или придумывая на их основе новые слова и конструкции. Поэтому, как мне кажется, в немецком языке особо богатый словарный запас. Хотя нельзя сказать, что Шмидт писал на диалекте... С чем бы это сравнить? Ну, представьте, что какой-нибудь русский писатель, чтобы передать особенности устной речи, писал бы не «корова», а «карова». Скажем, во Франции или в России такое невозможно, но в Германии все всегда хотят найти новые слова. Чтобы не говорить затертыми фразами, чтобы другие их услышали, поняли...

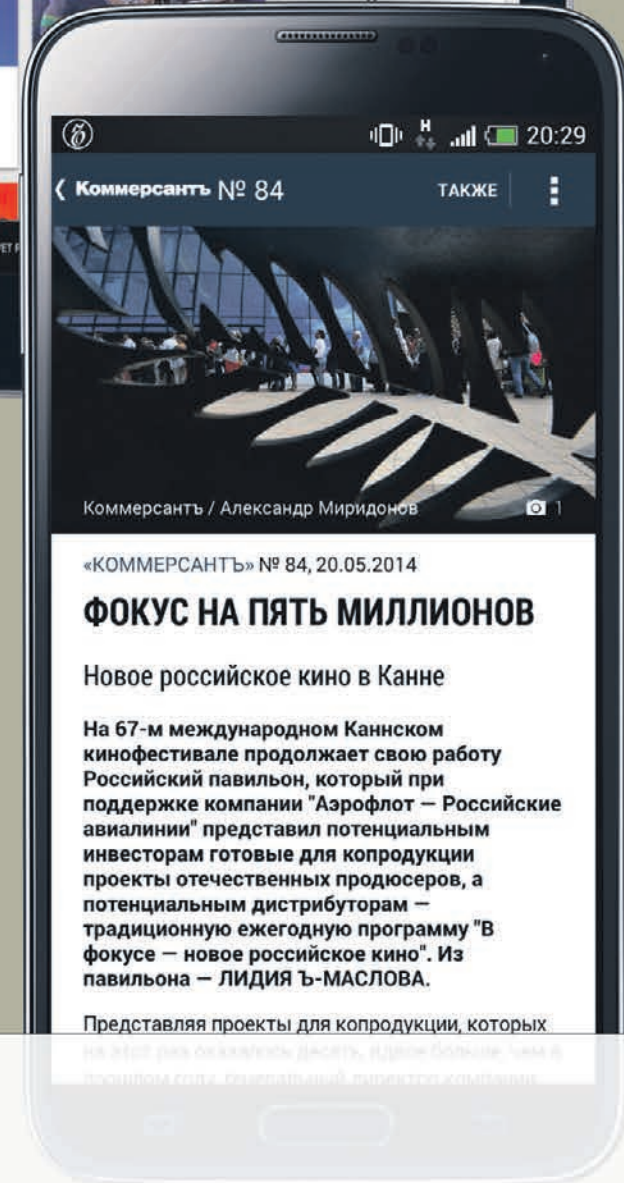
— Что для вас немецкий язык?

— Вообще-то я начинала переводить с французского, с английского. Неможно с итальянского. Случайно увидела книжку Арно Шмидта, совершенно для меня тогда неизвестного. Его язык — и немецкий язык вообще — оказался чрезвычайно гибким. В русском языке, в отличие от французского и английского, свободный порядок слов. Но немцы умеют добиваться такой же свободы: они разрушают строго предуставленный порядок слов в предложении (которого вроде бы требует грамматика), вводя момент фрагментарности. В немецком по-настоящему просто составлять слова заново, как из кубиков, соединяя в одном слове разные корни. И это дает большой простор для создания многозначных, ярких слов — волшебных, которые очень трудно перевести. Каждый раз это вызов для переводчика. И я просто пьянею, когда вижу, на что способен немецкий язык. Когда чувствую его беспредельную подвижность, свободу.

Вероятно, тут дело еще и в том, что современный немецкий язык начался тогда же, когда Лютер стал переводить на немецкий Библию. Всякий раз, чтобы добиться точного перевода, им приходилось как бы ломать свой язык. Немецкие авторы не боялись впускать в него античные конструкции, греческие или латинские. У нас любят повторять фразу о том, что «нужно беречь русский язык». В Германии никогда не было такого пиетета к своему языку. Они видели в этом разрушении, напротив, обогащение или сборку языка заново. После войны, правда, эксперименты с языком поначалу были забыты. Например, Пауля Целана, который родом из Черновцов, хотя он писал на немецком, поначалу плохо принимали в Германии, писали в рецензиях, что он издевается над языком, потому что не совсем немец. Сегодня поэзия Целана воспринимается как вершина немецкого языка, потому что этот язык необычайно богат оттенками смысла и вместе с тем лаконичен, на нем хотели бы говорить сегодня. Это язык, созданный «после Катастрофы», но вместе с тем он пронизан отсылками к старой поэзии... У нас первые переводы того же Целана недостаточно соответствовали оригиналам, но со временем совершенствовались. Получается, что перевод — это длинный, порой бесконечный разговор с писателем, и на каждом этапе такого разговора открывается что-то новое. Перевод — это многократно возобновляемый диалог.

Коммерсантъ

В кармане

16+

реклама

Получайте ещё больше новостей в режиме реального времени

Читайте все материалы газеты «Коммерсантъ», журналов «Огонёк», «Автопилот» и Weekend

Слушайте прямой эфир радиостанции «Коммерсантъ FM»

Используйте настройку на свой регион, сервис интеграции с социальными сетями

Оформляйте подписку на журнал «Огонёк»